

63.3(253.37)

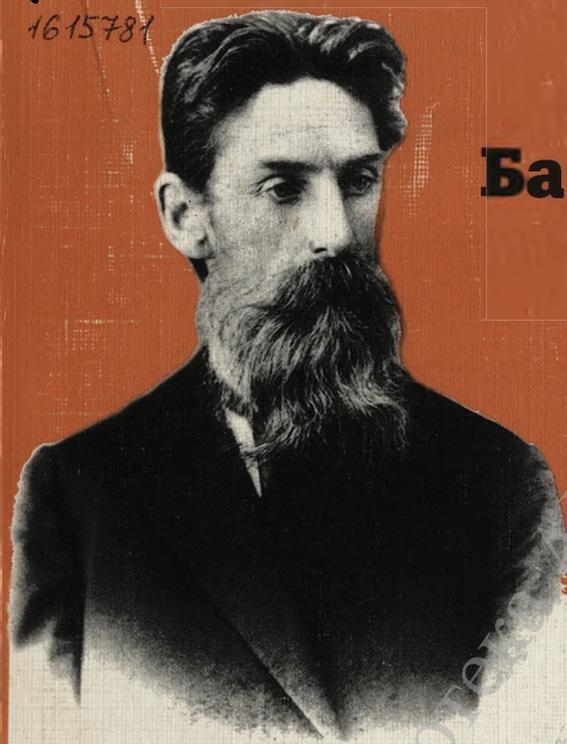
Г 859 кр.

1615781

Василий Гришаев

Барнаульский печальник

Документальная
повесть о
В.К. Штильке

Электронная библиотека

Электронная библиотека

Д.УБЛ. ОКФМП, ОРК(2), КХ(2)

1615781

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

63.3(253.37)^{1/1}

Г 859

КОМИТЕТ АДМИНИСТРАЦИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
ПО ОБРАЗОВАНИЮ

БАРНАУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
МОЛОДЕЖНЫЙ ФОНД АЛТАЯ "БИЛЬДУНГ"

Василий Гришаев

Барнаульский печальник

Документальная повесть о В.К. Штильке

Издание осуществлено при поддержке Администрации

Железнодорожного района г. Барнаула

Барнаул 1999

ISBN-88210-002-1

© Гришаев В.Ф.

1812781

63.3(253.37)5-8

ББК 63.3(2P53,7) + 74.03(2)5
УДК 37

Г 85 Гришаев В.Ф. Барнаульский печальник. Документальная повесть о В.К. Штильке – Барнаул, Изд-во БГПУ, 1999. – 150 с.

ISBN5-88210-005-4

В предлагаемом издании на основе документальных архивных материалов, часть которых впервые вводится в оборот, публицистически ярко освещены некоторые страницы жизни Василия Константиновича Штильке (1850-1908), просветителя, общественного деятеля.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, историков, политологов, учителей, студентов, учащихся старших классов и всех интересующихся культурой, развитием образования в Барнауле.

Рецензенты:

Демин М.А., доктор исторических наук, профессор
Березюк И.А.

Печатается по решению комитета администрации Алтайского края по образованию

ISBN5-88210-005-4

© Гришаев В.Ф.

1615781

150-летию со дня рождения
В.К. Штильке посвящается

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ	7
ВЕНОК ЮНОСТИ	12
В НАРОД !	19
ДОМАШНИЙ УЧИТЕЛЬ	24
В ПОИСКАХ ВЫХОДА.....	28
ЕСТЬ ВЫХОД !.....	32
НАГОРНАЯ ШКОЛА	41
УРОКИ МИЛОСЕРДИЯ.....	52
"БЕЗГРАМОТНЫЕ РЕЦИДИВИСТЫ"	54
НАРОДНЫЕ ЧТЕНИЯ	59
ВОСКРЕСНЫЕ ШКОЛЫ.....	61
НАРОДНЫЙ ДОМ.....	63
ЧТО МОГУТ ЭНТУЗИАСТЫ.....	70
"ИКОННЫЕ ЛЮДИ"	73
ПОД НЕГЛАСНЫМ НАБЛЮДЕНИЕМ	83
БУНТ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	91
1905 ГОД.....	99
"ПРИГОВОР МЕЩАН"	105
ИЗГНАННИК – ЧЛЕН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ	108
УЧИТЕЛЬ ДОБРА И ПРАВДЫ.....	113
ПРАВО НА ПАМЯТЬ.....	118
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	122
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	129

ВВЕДЕНИЕ

Важной характеристикой гражданского общества является его толерантность по отношению ко всем проживающим совместно этносам. Этот тезис становится актуальным в условиях многонационального государства, каким является Россия. Российская действительность подтверждает наличие поликультурного общества, а это требует специального подхода в определении основных категорий его изучения, выявлении закономерностей и условий его развития.

Характеристика поликультурного общества как одной целостности, на наш взгляд, может иметь различные основания, но в основе своей они так или иначе будут затрагивать взаимоотношения между этносами, перспективы взаимодействия и взаимосвязей между народами. Если эти индикаторы взять за основу, то в ряд наиболее важных для формирования гражданского общества попадает культура межнационального общения. Эта культура складывается из множества компонентов, но наиболее важными, на наш взгляд, являются знания. В первую очередь знание истории культуры своего этноса, ее традиций. Второй компонент — знание национальной культуры этноса, с которым осуществляется процесс общения. К третьему компоненту можно отнести знание роли своей национальной культуры и роли культуры этноса-партнера в мировой культуре. Четвертый

компонент – знание особенностей национальной культуры как выражения национальной психологии. В качестве пятого компонента может выступать эмпатия, означающая знание психологических особенностей этноса, способность к сопереживанию, умение поставить себя на место другого.

Названы лишь важнейшие компоненты фундаментальных знаний, способных развивать культуру межнационального общения и поддерживать равноправный диалог культур. Так или иначе выдвигаемые требования к формированию культуры межнационального общения в первую очередь касаются знания культур. Важным шагом на пути усвоения этих знаний является изучение биографических данных известных людей, принимавших самое активное участие в формировании, становлении и развитии культуры и образования на Алтае. Конкретным примером решения этой сложной проблемы является подготовка и выпуск предлагаемой книги о В.К. Штильке, написанной известным писателем-документалистом В.Ф. Гришаевым.

*Доктор педагогических наук,
профессор В.И. Матис*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Документально подтвержденные факты появления немцев на Алтае связаны с реформами Петра I. Это были крупные ученые, исследовавшие ресурсы и потенциал Сибири. В 1734 г. во главе экспедиции Санкт-Петербургской Академии наук Алтай и Сибирь исследовали выдающиеся ученые: натуралист И. Гмелин и историк Г. Миллер. И. Гмелин, например, описал флору в капитальном труде "Путешествие по Южной Сибири", а Г. Миллер создал труды по истории и этнографии Сибири, не потерявшие актуальности и по сей день. Большой вклад в исследование Алтая внесли ученые: П. Паллас, И. Фальк, И. Георги, Б. Клюге, К. Ледебур, Г. Гельмерсен.

Некоторые исследователи использовали Алтай и Сибирь как источниковую базу и поле для исследований. Так, например, К. Ледебур прожил на Алтае два года, а в Берлине издал четырехтомный труд "Алтайская флора". В 1829 г. совершил путешествие по Алтаю и описал его А. Гумбольдт, чье имя носит Берлинский университет. Хорошую память о себе оставили немецкие горные инженеры, создавшие вместе с А. Порошиным, Г. Качка, В. Чулковым, П. Фроловым, С. Татариновым, П. Аносовым и другими мастерами и специалистами второй по значимости в России рудно-металлургический комплекс – Алтайский горный округ. В течение ста лет округ удерживал

первое место в Российской империи по добыче серебра, второе – по меди и третье – золота. В 1747 г. первым начальником Колывано-воскресенских заводов был назначен А. Беэр. После его смерти, когда официальный руководитель А.И. Порошин с 1751 по 1761 гг. находился безвыездно в Петербурге, округом фактически управляли члены Канцелярии И.С. Христиани и И.Г. Улих, много сделавшие в становлении И. Ползунова как изобретателя.

Ф.Ф. Риддер вошел в историю как первооткрыватель одного из богатейших на Алтае месторождений полиметаллов. Рудник назван его именем. С 1786 г. при Риддерском руднике основан поселок, переименованный в 1934 г. в город Риддер (с 1941 г. – Лениногорск).

Самой влиятельной на Алтае с начала XVIII и до начала XX вв. была должность начальника Колывано-воскресенских заводов. С 1817 по 1864 гг. она называлась Главным начальником Алтайских горных заводов и Томский гражданский губернатор. В период с 1747 по 1917 гг. из 25 начальников Колывано-воскресенских заводов немцы занимали этот пост 10 раз. Выдающийся вклад в исследование Алтая, в развитие науки и культуры внес доктор Ф. Геблер. Родившись в Тюрингии, он всю свою сознательную жизнь прожил на Алтае, отдав ему 40 лет жизни. Он исследовал Рахмановские минеральные источники, ставшие позднее курортом, Катунский хребет, где один из ледников носит его имя. Как врач он не только лечил

больных, но и исследовал причины заболеваний, вносил предложения по улучшению условий жизни служащих заводов и рудников. Им издано ряд трудов по ботанике, географии и энтомологии в журналах Санкт-Петербурга и Германии. В Барнауле П. Фролов и Ф. Геблер основали в 1823 г. музей, который стал краеведческим и пользуется заслуженным авторитетом у жителей региона и по сей день.

С 1826 по 1832 гг. на Алтае работал врачом и заведующим Змеиногорского горного лазарета А. Бунге, получивший степень доктора медицины в Дерптском университете. Им собрана огромная коллекция из 1600 видов растений, 400 из которых были открыты впервые.

А. Бунге издавал труды о флоре Алтая в Берлине и Санкт-Петербурге, тем самым популяризируя край, рекламируя его богатства. С 1859 по 1871 гг. учителем Барнаульского окружного училища был уроженец Берлина, доктор философии Иенского университета В. Радлов. Им издано 10 томов известного труда "Образцы народной литературы тюркских племен". Во второй том вошли фольклорные тексты народов Алтая. В конце XIX в. на Всемирном конгрессе в Европе В. Радлов очень высоко оценил изученный им алтайский героический эпос, который он поставил в один ряд с Беовульфом, Калевалой и "Витязем в тигровой шкуре".

Настоящим подвижником народного образования на Алтае проявил себя либеральный народник В.К. Штильке, немец по национальному происхождению. Он достаточно много сил и энергии отдал созданию в Барнауле Общества попечения о начальном образовании. Благодаря деятельности Общества в 1885 г. в Барнауле была открыта бесплатная Нагорная начальная школа, а в 1891 г. на окраине, в Зайчанской слободе – вторая начальная школа. К 1896 г. в них обучалось 400 детей. Это были первые в городе смешанные и бесплатные школы. В них не только бесплатно учили, но и обеспечивали наиболее нуждающихся учебниками, одеждой, горячими завтраками, а наиболее способным помогали продолжить образование. При содействии и непосредственном участии В.К. Штильке были открыты две воскресные школы, две бесплатные школьные и одна городская библиотеки, книжный склад-магазин, любительский театр, городской сад, ставший любимым местом отдыха барнаульцев, детские площадки, карусели, зимние катки, Народный дом с залом на тысячу мест, делавший честь любому городу. Довольно много даже по нынешним временам сделало Общество попечения о начальном образовании в городе с населением в 30 тысяч человек. Не случайно именно барнаульское Общество было признано одним из лучших в Сибири. Его деятельность была отмечена серебряной медалью на Всемирной выставке в Париже в 1890 г., дипломом второй степени на Всероссийской про-

мышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г., похвальными листами в 1890 и 1895 гг.

Работу Василия Федоровича Гришаева интересно читать, поскольку на каждой странице достаточно много исторических данных, которые найдены в архивах и используются в широкой печати впервые. К большому удовлетворению следует сказать, что эти свидетельства он использует умело и выверено. Автор в своей работе сумел представить яркие фрагменты исторического развития школы на Алтае.

Сейчас появляется много работ, направленных на изучение этнических культур, их возрождение и т.д., но многие из них пишутся с позиции своего собственного этноса. Между тем современная российская культура полинациональна и состоит из множества этнических культур, а мы порой, когда говорим о российской культуре, упоминаем только русский народ.

Василий Федорович написал об интереснейшем человеке, дворянине по происхождению и немце по национальности, так много сделавшем для становления российской культуры и образования на Алтае.

*Доктор педагогических
наук, профессор
В.И. Матис*

ВЕНОК ЮНОСТИ

Дед его, Самуил Штильке, был уроженцем прусского городка Пренцлау, что севернее Берлина, сыном градского старшины. В самом конце XVIII в. юный гезель (аптекарский ученик) Самуил Штильке, подобно многим своим соотечественникам, отправился в далекую Россию "на ловлю счастья и чинов".

"По приезде в Россию, – читаем мы в его формуляре, – определен Медицинскою коллегиею гезелем же в вольной аптеке в Санкт-Петербурге".

Но в столице Самуилу Штильке не пожилось. "По просьбе его по экзамене тою же коллегиею в 1800 году произведен аптекарем и определен в Нерчинские заводы".

Чего хотел юный аптекарь, отправляясь по доброй воле на край света, в край каторги и ссылки? Счастья или чинов? Не знаю, как обстояло дело со счастьем, но больших чинов он там не заслужил, а вот здоровье, похоже, потерял.

В 1812 г. титулярный советник С. Штильке был переведен в Барнаул, аптекарем же, и здесь пять лет спустя, на сорок первом году жизни умер, оставив молодой вдове, Авдотье Ильинишне, двух сыновей: семилетнего Алексан-

дра и четырехлетнего Константина (родившегося, стало быть, уже в Барнауле), дворянское звание, скромную пенсию да честное имя.

Константин Штильке по окончании горнозаводской школы 14-летним подростком поступил подканцеляристом в Барнаульское окружное казначейство, с годами дослужился до окружного казначея и титулярного советника. Но богатства, по всей видимости, и он не нажил.

Константин Штильке был женат дважды. От первого брака у него было три дочери, от второго – сын Василий, родившийся 2 августа 1850 г.

Ни дед Василия, ни отец не принадлежали, как я полагаю, к распространенной в то время породе взяточников и хапуг. России они служили честно. Мне думается, что та скрупулезная честность, которую современники единодушно отмечали у Василия Штильке, была его наследственной чертой.

Когда Васе Штильке исполнилось девять лет, он был зачислен в окружное училище, то есть вступил на ту дорогу, которая уготована была детям горнозаводских чиновников средней руки. Его ждали место уставщика на заводе, дальнем руднике или чиновничья лямка в конторе. Но стараниями отца он в январе 1864 г. был переведен во второй

класс Томской гимназии да еще казеннокоштным учеником.

Четырьмя годами раньше из этой гимназии ушел после 6 класса Николай Михайлович Ядринцев. Позже он так вспоминал о ней: "Мы пользовались внутренней свободой. Мир инспекторов, угодливых учителей и надзирателей не существовал для нас, он был смешон и ненавистен.

Демократическая среда гимназии воспитывала равенство. Дети тузов и богачей не пользовались никакими преимуществами... Мы научились уважать в нашей среде только собственные достоинства и нравственные качества. Я полюбил здесь наш народ, нашу "чалдонократию", как мы ее впоследствии окрестили. Эти инстинкты равенства, заложенные школой, это уважение честной бедности и поклонение труду и таланту, откуда бы он ни выходил, облегчали восприятие впоследствии общечеловеческого идеала. Среди тяжелой обстановки нашей школы мы сплели нечаянно душистый венок нашей юности..."

При В. Штильке, надо полагать, порядки в гимназии мало изменились, и на него она оказала примерно такое же влияние.

Но, в отличие от Н.М. Ядринцева, В.К. Штильке и др. гимназии соприкасался с народными низами. У его отца во

Власихе, под Барнаулом, был небольшой домик с огородом и пчельником (дача по-нынешнему). Там семья проводила лето, и Вася Штильке, общительный и веселый мальчик (так характеризуется он в школьных документах), конечно же дружил с крестьянскими детьми. Эта дружба, похоже, сохранилась на всю жизнь. В августе 1907 г., за восемь месяцев до смерти, В.К. Штильке, живя в Петербурге, выехал на два дня в Финляндию. Своими впечатлениями о поездке он поделился с власихинским крестьянином Сивроновым Яковом Ильичом (возможно, другом детства) и "дорогими власичанами". Письмо заканчивается так: "В общем, друзья мои, я вынес самое отрадное впечатление о финнах. Мысленно перенесся к вам и от всего сердца пожелал увидеть вашу Власиху и вас самих такими же, какими обрисовались мне финны – разумными, трудолюбивыми, зажиточными и жизнерадостными, несмотря на суровость и неприветливость их родины, которая не может сравниться с нашим благословенным Алтайским краем".

В детстве (по воспоминаниям барнаульского краеведа П.Е. Семьянова, лично знавшего В.К. Штильке) у него была няня, которую он очень любил. Она умерла, когда Василий учился в 6 классе, и он после этого будто бы даже стал реже ездить домой. Жаль, что мы уже не узнаем, кто

она была, какого роду-племени эта добрая старушка, какие сказки ему рассказывала, какие песни пела, сколько любви к людям вложила во впечатлительную душу мальчика...

Из справки, составленной в 1888 г. Томским губернским жандармским управлением для департамента полиции, известно, что "во время учебы в гимназии В. Штильке состоял в особо дружеских отношениях с Александром Квятковским, впоследствии казненным государственным преступником".

Что их сблизило?

О Саше Квятковском известно, что он смешно картавил: вместо "л" выговаривал "й", а вместо "р" – "л". Сам он этого ничуть не стеснялся, иногда пел даже своим приятным тенором:

И сйожий свою гойовочку

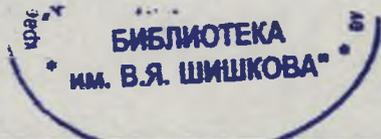
На велевочку буйный мойодец...

Но не только картавинкой походил Саша на большого ребенка, а и открытой доброй душой. Сын крупного золотопромышленника, он в самые лютые морозы ходил в легком пальто, стесняясь носить шубу, раз ее не имели другие, давал частные уроки, чтобы иметь свои карманные деньги, хотя отец ему ни в чем не отказывал.

Позже, в Петербурге, этот прекрасный ребенок вступил на путь борьбы за народное счастье, стал членом грозного Исполнительного комитета "Народной воли" и "сложил свою головочку на веревочку" в 1880 г. Да, он пошел не тем путем, но за свою ошибку заплатил жизнью...

Однако вернемся к В. Штильке. В 1870 году он закончил гимназию. Некоторые его одноклассники, в том числе и А. Квятковский, отправились в Петербург поступать в высшие учебные заведения. У В. Штильке тоже были такие планы, только ехать в столицу ему было не на что. Отец к тому времени умер, его маленькой пенсии едва хватало матери и сводным сестрам. Надо было самому заботиться о хлебе насущном. И он поступил учителем арифметики и географии в Томское духовное училище.

Здесь судьба свела его с человеком, который во многом стал для него примером на всю жизнь. Этим человеком был смотритель училища Петр Иванович Макушин. Сындячка-псаломщика из Пермской губернии, он с отличием закончил духовное училище, поступил в семинарию, откуда через год, как лучший из лучших, был направлен за казенный счет в Петербургскую духовную академию. Его ждала блестящая духовная карьера, профессорская кафедра в каком-либо из губернских городов, а то и в столице, а

он за два месяца до окончания курса все бросил и уехал к черту на кулички, в горно-алтайское сельцо Улалу (Ныне город Горно-Алтайск – столица республики Алтай), заведовать крохотным, на 14 человек, миссионерским училищем!..

Программу, рассчитанную на четыре года, воспитанники Макушина одолели за два. Он открыл при училище школу для девочек-алтаек (неслыханное дело по тем временам), а по воскресным и праздничным дням приглашал в училище и взрослых для бесед и чтения вслух.

Увлеченный идеей миссионерства, Петр Иванович ездит по дальним кочевьям, ночует в дымных аилах или у костра... Изумительны алтайские горы и долины, но как далека от красоты жизнь его обитателей, этих смиренных и доверчивых детей природы! Грязь, суеверия, дикое невежество, двойной гнет – русских чиновников и собственных баев... Выход молодому миссионеру видится в развитии просвещения...

Макушину два года не выплачивают жалованья, он вконец обносился – и что самое обидное – живет на хлебах у начальника миссии. Однажды тому вздумалось похвалить его за усердие и даже пообещать представить к награде. В ответ П.И. Макушин поднял ногу в рваном сапоге:

– Представьте меня лучше к подметкам, ваше преосвященство !

После этого ему пришлось расстаться с миссией...

В 1868 г. П.И. Макушин возглавил Томское духовное училище. Он решительно изгнал отсюда розгу, изменил весь строй обучения, но тесно, тесно ему было в стенах училища! Возможно, зрели уже в его упрямой голове дерзкие планы развертывания по всей Сибири книжной торговли, открытия школ, библиотек, и этими планами он, не исключено, делился с молодым учителем В. Штильке, почувствовав в нем единомышленника?..

На вчерашнего гимназиста, тоже мечтающего о служении народу, крепко повлиял этот крутолобый, молодой еще бородач (он был всего на 6 лет старше В. Штильке), человек недюжинного ума, кипучей энергии и цепкой организаторской хватки.

В НАРОД !

В 1871 г. В. Штильке уволился из училища, а через год по экзамену был принят в число "своекоштных" студентов Петербургской медико-хирургической академии.

Из тихого провинциального Томска сразу попал в бучу столичной студенческой жизни.

Петербург переживал горячку студенческих сходок. Проходили они в основном на частных квартирах, с чаем, с песнями под гитару:

Проведемте, друзья,
эту ночь веселей,
пусть студентов семья
соберется тесней!

За здоровье того,
кто "Что делать?" писал
и кто жизнью своей
воплотил идеал.

Кружки молодежи возникали один за другим. В этих кружках и на вечеринках споры-разговоры шли уже не только о борьбе за студенческие права. Без конца упоминалось слово "народ". И хотя лишь немногие ясно представляли, что за этим словом кроется, однако с упоением говорили о святом долге интеллигенции перед народом, о том, что не диплом, не теплое местечко, а жизнь среди народа, борьба за его счастье – вот главная задача студента!

Это возбуждение, этот пламенный порыв привели к тому, что весной 1874 г. из Петербурга и других городов

сотни и сотни молодых людей отважно двинулись "в народ", просвещать мужика, поднимать его на борьбу с самодержавием.

Известно, чем это кончилось, к каким потерям и разочарованиям привело. Не остался в стороне от общего дела и Василий Штильке. Правда, вклад его было довольно скромнен, но он был, о чем свидетельствуют документы.

В личном деле В. Штильке, хранящемся в краевом госархиве, указано, что 12 февраля 1874 года он был уволен со второго курса академии "согласно прошению". Там же есть и отметка, наводящая на мысль о причине увольнения: "Не внес плату за обучение за два семестра".

Казалось бы, все ясно. Жизнь "своекоштного" студента, не получающего ниоткуда помощи, – это сплошная голодовка, почитайте любые воспоминания. Но почему время его увольнения из академии совпадает с началом массового "хождения в народ"? И почему, уже не являясь студентом, он прожил в Петербурге или еще где-то более двух лет? Что его задержало?

В Москве, в Центральном госархиве Октябрьской революции, хранится "Дело о вредном влиянии дворянина Василия Штильке на учащуюся молодежь". Эти документы помогли мне развязать не один узелок в биографии В.

Штильке. В них прямо указывается, что он уехал из Петербурга не по доброй воле, а был "выслан по политическому делу в 1879 году". С датой высылки жандармы поднапутали, но об этом потом. Оказывается, В. Штильке был не политический ссыльный, как у нас иной раз его называли, а высланный административным порядком, то есть без суда и следствия. К такой мере царские власти нередко прибегали в том случае, когда человек попадал под подозрение как политически неблагонадежный, а улик, достаточных для предания его суду, не имелось.

Жаль, что причина высылки указана туманно: "по политическому делу". Не проясняют картины и воспоминания людей, близко знавших В. Штильке. Одни утверждают, что он был выслан за причастность к делу Квятковского, другие – за связь с Дмитрием Лизогубом.

Сразу скажем, что речь здесь идет о черниговском помещике Дмитрие Андреевиче Лизогубе, отдавшем свое миллионное состояние на нужды революции. Как один из организаторов "Земли и Воли", он был повешен по приговору суда в Одессе в 1879 г. В революционных кругах Д. Лизогуб имел репутацию человека идеальной нравственной чистоты. Его называли "святым революции". Он является прототипом Анатолия Светлогуба в рассказе Льва

Толстого "Божеское и человеческое". Писатель Юрий Давыдов написал о Д. Лизогубе книгу "На скаковом поле близ бойни".

В воспоминаниях П.Е. Семьянова говорится, что В. Штильке познакомился с Д. Лизогубом в Петербурге (тот был студентом университета) и будто бы выезжал к нему в имение по приглашению хозяина (имение Д. Лизогуба находилось неподалеку от Чернигова).

В московском "деле Штильке" также указано, что в 1875 году он разыскивался Черниговским губернским жандармским управлением, как участник местного революционного кружка, но "ввиду голословности обвинения" розыск был прекращен.

Фраза о голословности обвинений, я думаю, еще не означает, что на В. Штильке возводили напраслину. Те же жандармы недаром отмечают, что "человек он крайне хитрый и осторожный". Словом, умел прятать концы. Тем не менее от внимания охранки, как видим, не ускользнуло, что В. Штильке встречался с "государственными преступниками" А. Квятковским и Д. Лизогубом. А разве это не достаточный повод для административной высылки?..

П.Е. Семьянов пишет, что по выходе из академии В. Штильке перешел на нелегальное положение, жил под вы-

мышленной фамилией. К сожалению, подтвердить это другими свидетельствами не удалось.

Вот еще одна интересная загадка. В книге "Архив "Земли и Воли" и "Народной воли", изданной в Москве в 1930 г., в разделе "Документы небесной канцелярии" (паспортного стола), среди прочих адресов можно увидеть и такой: "Барнаул. Штильке Василий, учитель".

Возможно, и по возвращении из Петербурга В. Штильке поддерживал связь с руководством народнических организаций.

ДОМАШНИЙ УЧИТЕЛЬ

Василий Штильке вернулся в Барнаул в 1876 году. Более двух лет прожил во Власихе, где занимался сельским хозяйством и бесплатно учил крестьянских детей грамоте. Сумел добиться, что власичане раскошелились на строительство новой школы. Все эти сведения взяты из такого достоверного источника, как жандармский отчет. Выходит, В. Штильке, вернувшись домой, как бы повторил хождение в народ...

В Барнаул его заставил вернуться недостаток средств, и не только. В. Штильке женился на дочери покойного коллежского асессора Эмилии Антоновне Раубе. Молодожены поселились в просторном деревянном доме на улице Бийской (ныне имени Короленко), доставшемся Эмилии Антоновне в наследство. Впоследствии его стали называть в городе "Дом Штильке".

"Тихо, монотонно влачит существование Барнаул, еще недавно поражавший своим блеском. Жилось весело, привольно, на широкую ногу. Но не было места ничему идейному. Барнаул был лишь станционным пунктом для горной администрации, которая затем уезжала благодумствовать в столицу. Она не сроднилась с краем, не пустила корней.

Городские площади – сугробы унавоженного снега, кучи назьма. Берега пруда унавожены, на льду тоже кучи снега и навоза. Наступит весна, все это сойдет в пруд, и без того испорченный содовым заводом Пранга".

Так описывает неизвестный репортер "Сибирской газеты" наш город примерно в то время, когда в него вернулся В. Штильке.

Или вот еще пример, оттуда же:

"Деревянные дома, деревянные мостовые, деревянные люди. Все одеревенело. Нет во всем городе живого интересного лица... Нет библиотеки, книжного склада (так назывались в то время книжные магазины – В.Г.). Интеллигенция сидит по норам или за зеленым столом, обыватели – на завалинках, лузгают семечки. Театр – унеси ты мое горе..."

Насчет отсутствия интересных лиц можно было бы и возразить. Чего стоил один Степан Иванович Гуляев, неутомимый публицист, историк, фольклорист, изобретатель, член одиннадцати российских научных обществ! А с остальным как не согласиться!..

Вероятно, те же грустные чувства испытывал и В.К. Штильке по возвращении из Петербурга, особенно в первое время. Маленьким, серым, сонным, грязным показался родной город. Но куда ему было деваться, недоучившемуся студенту, отцу семейства, человеку с опасной репутацией "политика"?

Впрочем, к "политикам" в Барнауле относились вполне терпимо, возможно, потому, что не хватало грамотных людей. С.П. Швецов служил статистиком в управлении горного округа, А.А. Силин и А.Я. Сулин в конторе виноторговца Платонова, а Г.Б. Байтов – даже секретарем

городской управы. Мог бы и В. Штильке устроиться "по письменной части", иметь твердый заработок и даже некоторое положение в обществе. Мог бы, но не захотел. Чиновничий мир был ему чужд и ненавистен. К тому же у него было дело, которое он любил. И В.К. Штильке стал домашним учителем.

Учитель он, по всем данным, был отменный. Несмотря на репутацию "политика", его стали приглашать в "лучшие дома". Из жандармских документов известно, что учениками В. Штильке были сыновья городского головы В.А. Карпинского, врача Г.Д. Гопфенгауза, а позже – самого начальника Алтайского горного округа Н.И. Журина.

Но был ли доволен В. Штильке своими успехами и вообще жизнью? Давайте порассуждаем. К приезду В.К. Штильке в Барнауле проживало 16 тысяч человек и были такие учебные заведения: горное училище – для детей служащих и мастеровых горного ведомства; духовное училище – для детей духовенства; городское училище – для всех остальных. Все три училища только для мальчиков! Для девочек были открыты женская прогимназия и женская школа. Всего учеников и учениц насчитывалось в городе около 550 человек, хотя детей школьного возраста было в два раза больше.

За бортом оказывались в первую очередь дети бедняков, жителей окраин: Нагорной части, болотистых Зайчан, Песков, Лужков. В 1881 г. в хваленом Алтайском округе, лучшем в Сибири по постановке народного просвещения, учились в школах один мальчик на 195 человек мужского пола и одна девочка – на 1914 женского!

Ближайшая от Барнаула гимназия (на всю Сибирь их было три) находилась в Томске, за 400 верст, ближайший университет – в Казани, за 2775 верст.

Знал ли об этом В. Штильке? Разумеется, знал. Теперь посудите сами, мог ли такой человек, проникнутый идеей служения народу, чувствовать себя довольным, видя ежедневно на пыльных барнаульских улицах чумазах, оборванных детей, обреченных на вечную темноту?..

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Надо сказать, что В. Штильке был не единственным человеком в Барнауле, у кого болела душа о школьном деле. Страстным поборником народного просвещения был Степан Иванович Гуляев. Еще в 60-е гг. он ратовал за открытие университета в Сибири, гимназии в Барнауле. Вер-

нувшись из Петербурга на родину после тридцатилетнего отсутствия, основал небольшую платную библиотеку, но вскоре был вынужден продать ее: уважаемые барнаульцы не пожелали тратиться на книжки, а содержать ее как бесплатную вечно бедствующему, обремененному большой семьей С. Гуляеву было не под силу. Он основал типографию, время от времени устраивал у себя литературные чтения для молодежи, боролся за включение в программу духовного училища большего числа общеобразовательных предметов.

В доме С. Гуляева на Пушкинской улице бывали известные ученые и путешественники А. Брэм, Г. Потанин, Французский археолог Г. Менье. Сюда приходили письма от Н. Ядринцева, П. Семенова-Тян-Шанского, В. Радлова.

Его гостеприимный дом был своего рода клубом для местной интеллигенции. Сюда собирались любители прошлого Алтая – посмотреть богатые коллекции, старинные книги, а больше всего послушать хозяина – "ходячую энциклопедию" Алтая.

Безусловно, бывал здесь и Василий Штильке, тем более, что с некоторых пор стал его родственником. Сын Степана Ивановича Николай, будущий архивариус, и В. Штильке женились на родных сестрах. Но, думается, не

только родственные чувства влекли В. Штильке к этому чудаковатому умнице-бессребренику, влюбленному в свои камушки, древние кости, редкие книги, папки с записями народных песен и былин, — больше он ничего не накопил за долгую жизнь. Поэтому и на девятом десятке лет вынужден был служить, хотя уже и ноги подводить стали (пришлось обзавестись палочкой) и одышка мучила.

Высокий, атлетически сложенный, с неизменной трубкой во рту, до седых волос не разучившийся удивляться и увлекаться, он был из тех милых, добрых, мудрых стариков, которых нельзя не любить.

Архивные документы сохранили имя еще одного барнаульца, пытавшегося в меру своих сил и возможностей бороться с народной темнотой. Звали его Климов Василий Максимович. По должности он был старший межевщик барнаульской Главной чертежной. Сверх занятий в межевой экспедиции он преподавал в окружном училище черчение, где сам когда-то закончил три класса. Выдержав в одном из уездных училищ экзамен на звание учителя, он открыл у себя в доме школу грамотности на 50 человек для мальчиков и девочек беднейшего сословия.

Приглашая С.И. Гуляева почтить своим посещением его школу, писал: "Помещение школы стеснительно, но я

думаю, что образованные господа не взыщут с меня за это..."

Василий Максимович учил детей в свободное от службы время чтению и письму, жена – рукоделию. Все это бесплатно, из одних добрых побуждений! Более того, из своих скромных достатков они покупали книги, бумагу, карандаши. А ведь у них у самих было четверо детей!

Известно, что в 1870 г., в двухлетнюю годовщину школы, в Барнауле состоялся любительский спектакль, сбор от которого пошел в пользу школы. Надо понимать, что это была не только материальная, но и моральная поддержка горожан.

Скромный учитель грамотности удостоился даже "высочайшего внимания". В его формуляре (личном деле) за 1873 г. есть такая запись:

"Государь император по всеподданнейшему докладу генерал-губернатора Западной Сибири о полезных трудах по безвозмездному обучению русской грамоте, закону Божию и прочим предметам детей местных обывателей всемилостивейше изволил пожаловать орден святого Станислава 3-й степени".

Этот человек – Василий Максимович Климов - становится еще более обаятельным, когда узнаешь, что он был довольно слабого здоровья.

"Благороднейший Степан Иванович, я с трудом хожу", – сообщал он С. Гуляеву в 1870 г. А в 1875 г. В. Климов уже не значился в списках служащих округа. Было ему в это время всего 36 лет.

По всей вероятности, В. Штильке, вернувшись из Петербурга, уже не застал его в живых. Но он, наверно, слышал о нем от С. Гуляева или кого-нибудь другого. О таком человеке, как Василий Климов, непременно должны были говорить в доме С. Гуляевых.

Конечно, учитель грамотности В. Климов не мог сделать погоды в Барнауле. Нужен был другой выход. Но какой?..

ЕСТЬ ВЫХОД !

В 1881 г. в Томске начала выходить "Сибирская газета". Читая первый номер, В. Штильке увидел на последней странице фамилию человека, о котором все эти годы вспоминал с любовью и уважением: "Издатель П.И. Макушин".

Далеко шагнул уважаемый Петр Иванович! Слава о его успехах в книжной торговле, об открытой в Томске публичной библиотеке, типографии идет по всей Сибири. Теперь вот газета... А он, В. Штильке, по-прежнему домашний учитель...

Каждый номер "Сибирской газеты" В. Штильке просматривал с живейшим интересом, и не только потому, что она была детищем более предприимчивого и удачливого собрата на ниве народного просвещения. Газета велась очень живо, отличалась завидной грамотностью и даже литературностью слога. Особенно нравились В. Штильке хлесткие фельетоны, обличавшие произвол чиновников, казнокрадство, взяточничество.

Вскоре он узнал фамилии авторов, скрывавшихся за мудренными псевдонимами. Оказывается, Нургали – это его старый знакомый по Петербургу, студент университета, а теперь политический ссыльный Дмитрий Клеменц; Иван Брут, он же "В тиши расцветший василек" – это Феликс Вадимович Вольховский, одессит, также сосланный в Сибирь по "делу 193-х". Сотрудничали в газете и другие политические ссыльные. Можно сказать, газета и держалась то на них. Они определяли ее тон и содержание, обходя – до поры до времени – цензурные рогатки.

И вот в один, как говорят, прекрасный день, просматривая свежий номер газеты, В. Штильке наткнулся на статью, которая глубоко, до внутренней дрожи взволновала его. В статье сообщалось об основании П.И. Макушиным Общества попечения о начальном образовании в Томске. В ней говорилось: "Общество составляется из лиц обоего пола, всех званий и состояний, без различия вероисповедания, кроме учащихся в учебных заведениях и лиц, находящихся под надзором полиции.

Членом общества называется всякий, вносящий в кассу Общества ежегодно не менее 1 рубля".

Да это же именно то, что нужно для Барнаула! Какая великолепная и чертовски простая мысль пришла в голову Петру Ивановичу!

"Членам, уплачивающим членский взнос в означенном размере и сверх того, заботящимся о распространении круга деятельности Общества и увеличении его средств, присвоается, по постановлению общего собрания, звание *члена-ревнителя*".

Справедливо. Наиболее деятельных членов надо выделять.

"Лица, внесшие единовременно не менее 50 рублей, именуются *почетными членами*".

И это умно. Каждый купец не прочь удостоиться такого звания, прослыть благотворителем. В торговом или другом деле – это неплохая реклама. Да и не в одной рекламе дело. Среди купцов, состоятельных чиновников разве не найдется таких, кто захочет просто по-христиански, бескорыстно помочь доброму делу? И пусть им будет наградой то, что их имена узнают в городе".

Надо ли доказывать, что В. Штильке загорелся мечтой создать такое же общество в Барнауле?

Только медленно, уж очень медленно начиналось дело. Может, были тому неизвестные нам причины или темп жизни тогда, сто с лишним лет назад, был другой? Лишь в марте 1883 г. В. Штильке выступил на заседании городской Думы с проектом Устава Общества, представлявшим, по существу, копию томского, макушинского. Сохранился частично текст речи, сказанной Василием Штильке в Думе. Вот он:

"Благодеяние общества составляют не роскошные дома, не богатство жителей с их шумной и веселой жизнью... Одной из главнейших ступеней, ведущих общество по пути развития, есть народное образование, первым проводником которого служит начальная школа. Количество этих школ в Барнауле не соответствует постепенно возрас-

тающему населению города. Особенно жители местностей Заячьей и Нагорной лишены возможности посылать своих детей в существующее двухклассное городское училище, распложенное в конце города, почти в двухверстном расстоянии от жительствова. Из 82 учащихся городского училища лишь 17 дает самая населенная часть города – Заячьья, а Нагорная – только 6 учеников.

Население стремится найти выход из положения и отдает своих детей малограмотным частным учителям, занимающимся первоначальным обучением, педагогические приемы которых находятся в самом младенческом состоянии..."

Гласные Думы, в большинстве чиновники и купцы, благосклонно отнеслись к предложению домашнего учителя. Что ж, дело доброе, богоугодное, тем более, городской тощий бюджет не пострадает. Грамотные люди нужны и в лавках, и конторах.

Лишь один гласный, священник Титов выступил с возражением:

– Сперва надо бы, уважаемые, испросить позволение властей ходатайствовать об исходатайствовании, а затем уж, если дозволено будет ходатайствовать, приступить к самому исходатайствованию.

Гласные втихомолку посмеялись над трусоватым ба-
тюшкой и решили начать прямо с исходатайствования. В
апреле 1883 г. проект Устава был послан в Петербург, в
Министерство внутренних дел, а утвердили его лишь в
марте 1884 г. Прошло еще семь месяцев, и 7 октября
1884 г. состоялось, наконец, организационное собрание
Общества. На нем присутствовало 63 человека.

Председателем Совета Общества был избран началь-
ник Алтайского горного округа Н.И. Журин, его замести-
телем (тогда говорили: товарищем) – В.К. Штильке.

Н. Журин, несмотря на занятость, не был в Совете
свадебным генералом, он оказал немалую помощь вновь
созданному Обществу.

До недавнего времени, в силу классового подхода к
нашему прошлому, о таких людях, как Н.И. Журин, не
принято было говорить хорошо. Считалось, что среди вы-
сокопоставленных представителей царской администрации
не было по-настоящему честных, порядочных, любящих
свое Отечество, свой народ. Но такие люди были. И сбрасы-
вая их с корабля истории, мы нашу историю обедняем.
К таким людям я отношу и Николая Ивановича Журина.
Мне хотелось бы немного о нем рассказать. Москвич, вы-
ходец из бедной мещанской семьи, он с четвертого класса

реальной гимназии жил на средства, добываемые частными уроками. Гимназию окончил с золотой медалью. Меценат купец В.А. Кокорев направил его в Париж для продолжения образования. Вскоре купец разорился. Н. Журин, оставшись без гроша, вынужден был перебраться в Бельгию, где поступил поденщиком на машиностроительный завод. Здесь случайно познакомился с прибывшим из России для закупа машин главноуправляющим заводами княгини Абамелек-Лазаревой. Светлым ли умом, характером ли, не сломившимся в тяжелых обстоятельствах, юный соотечественник произвел большое впечатление на доверенного русской заводчицы. Он заявил, что готов дать ему место управляющего заводом при условии, если Н. Журин ... предъявит ему диплом горного инженера.

Н. Журин возвращается в Россию, поступает вольнослушателем сразу на третий курс горного института и через два года заканчивает его с Большой золотой медалью!

Затем 16 лет служит на Урале, а в 1882 г., как один из лучших горных инженеров, назначается начальником Алтайского горного округа, заводы и рудники которого с переходом к вольнонаемному труду стали убыточными. Здесь сумел добиться увеличения выплавки серебра и значительного сокращения убытков.

По сохранившимся отзывам, это был умный, широко образованный и внимательный к людям человек, в том числе и к политическим ссыльным, чем навлек на себя недовольство чинов Томского жандармского управления.

Совет размножил и разослал по многим адресам Устав Общества и обращение такого содержания:

"Добрые люди!

От вашего доброго участия будет зависеть осуществление целей, намеченных Обществом. Помогите же своими посильными лептами достичь того, чтобы сделать грамотным все подрастающее поколение Барнаула".

В январе 1885 г. в Обществе состояло 9 почетных и 286 действительных членов. Это были служащие Главного управления округа, учителя, врачи, купцы, священники и члены их семей. Напрасно искать в этом списке мещан, мастеровых, крестьян. Правда, в последующие годы они иногда встречаются, но очень мало. Вряд ли это можно объяснить лишь одной их бедностью. Если из шести тысяч барнаульских мещан не нашлось и шести человек, пожелавших отдать по одному рублю в год для обучения их же детей, то дело тут не в бедности, а в косности, неразвитости общественного сознания. Это не в укор тем барнаульцам, кто действительно был беден.

Было среди членов Общества и несколько иногородних, из них в первую очередь следует отметить известного петербургского золотопромышленника и благотворителя И.М. Сибирякова. Это на его средства издавались книги Н.М. Ядринцева, историка П.А. Словцова, библиографа В.И. Межова. Кстати, еще более крупным благотворителем был его брат, Александр Сибиряков, именем которого назван остров в Карском море и ледокол. И.М. Сибиряков прислал 500 рублей и, кроме того, изъявил желание пожертвовать книги для народно-школьной библиотеки, если на то последует согласие Общества. Согласие, разумеется, последовало.

Кроме членских взносов и пожертвований, существенным источником доходов Общества стали любительские спектакли, в которых Штильке был, особенно на первых порах, и актером, и режиссером, и суфлером.

К концу января 1885 г. в кассе Общества накопилось 2267 рублей 48 копеек. На эти средства 15 сентября 1885 г. и была открыта Нагорная школа.

НАГОРНАЯ ШКОЛА

"Никогда еще улицы Барнаула не наполнялись такою массою детей, какая собралась для участия в процессии, направившейся в 12.30 из Дмитриевской церкви в Нагорную часть города..."

Так описывает томская "Сибирская газета" церемонию открытия школы, состоявшуюся 15 сентября 1885 г.

"Стройной нитью, – повествует газета, – перед глазами барнаульских жителей прошла эта пестрая толпа детей, неся развевающиеся флаги с надписями: "Ученье – свет", "Знание – сила". Несмотря на крапавший мелкий дождь, процессию сопровождала значительная толпа барнаульцев..."

Давайте представим, читатель, тот далекий осенний пасмурный день, наш маленький Барнаул (в нем проживало тогда всего 16 тысяч человек), заводской, рябивший под ветром пруд, темные от вековой копоти корпуса сереброплавильного завода с клубами ядовито-желтого дыма и эту праздничную колонну, двигавшуюся под колокольный звон от Демидовской площади, через плотину, в Нагорную часть...

В колонне шли, как сообщает газета, горное, духовное, городское училища, женская прогимназия, женская школа, – словом, все учебные заведения Барнаула. В них насчитывалось около 550 учеников. По нынешним меркам вроде бы маловато, но сто лет назад мерки были другие.

Дом, арендованный для школы у зажиточного мещанина, "был убран зеленью, флагами, а также надписями: "Сейте разумное, доброе, вечное", " Блюдите да не презрите единого от малых сих", "Да поставит себе каждый из нас первой заботой заботу о школе". Последнее изречение принадлежало Штильке. Год назад он произнес эти слова в городской думе, и они стали уже крылатыми.

Когда кончился традиционный молебен, председатель Общества Н. Журин предоставил слово одному из главных виновников торжества - Василию Штильке.

Речь В. Штильке, благодаря той же "Сибирской газете", сохранилась, и, я думаю, она будет небезынтересна любителям истории нашего края. Привожу ее с небольшими сокращениями.

"Нагорные жители!

Школа эта назначается главным образом для ваших детей. Назад тому год вы еще не могли думать о том, что ваше подрастающее поколение приобретет возможность

получить здесь, на месте, начальное образование, сделаться грамотным. А грамота ведь великое дело. Недаром русский народ называет безграмотного темным человеком. "Мы люди темные", – сплошь и рядом говорите вы. Не умеете вы прочитать ни случайно попавшей в ваши руки книги, ни полученного вами письма с чужой стороны...

Но как же бедняку, человеку без средств, выбраться из этого заколдованного круга темноты, сделаться грамотным? Этим вопросом задались и мы, и при помощи нашего Школьного общества нашли возможность разрешить эту трудную задачу. Учись же, бедняк, приобретай знания!..

А вы, члены Школьного общества, можете теперь считать себя нравственно удовлетворенными, вы воочию видите, что ваша добрая лепта пошла на фундамент прочного здания... И что может быть чище, лучше заботы о подрастающем поколении, об этой нашей гордости и нашей надежде? Постарайтесь же и впредь приносить посильную помощь Школьному обществу и проводить его идею в гражданское общество, и пусть девиз наш "Да поставит себе каждый из нас первой заботой заботу о школе" приобретает все более и более последователей.

Мы напоминаем об этом приобретении, потому что не думаем, чтобы в Барнауле нашлось только 400 человек, которые могут уделить в год из своих достатков по одному рублю на живое школьное дело. Стучите и отворят вам! Просите и дастся вам! Будем же стучаться в двери всех тех, сердце которых не чуждо любви к детям бедняков, и просить пожертвовать что-нибудь на школы. Чем больше будет создано школ, тем более будет грамотных, и тогда мы уже не услышим тяжелых, звучащих для нас укоризною слов бедняков: "Мы люди темные".

Света, больше света!

Протяни же, интеллигент и обладающий достатками человек, руку помощи к блуждающему в духовной тьме бедняку – ведь он брат тебе!

А для вас, учащихся (так называли тогда учителей – В.Г.), помогающих торжеству света и знания, и для вас, учащихся, стремящихся к нему, да послужит открытие новой школы символом объединения в устремлении к величайшим общечеловеческим задачам и к величию дорогой нашей страны".

Первой учительницей в Нагорной школе стала Юферова Александра Алексеевна, жена политического ссыль-

ного, а ее помощницей – Печеркина Мария Федоровна, сестра поднадзорного. Запомним пока эти имена.

Это была первая в городе бесплатная, общая для девочек и мальчиков школа. Первоначально она была рассчитана на 50 человек, но в первые же три дня в нее записались 96 (46 девочек и 50 мальчиков). Дальнейшую запись пришлось прекратить. На большее число учеников не было средств, да и подыскать подходящее помещение в Нагорной части было невозможно.

Таким образом, в первые же дни стало ясно, что без собственного здания не обойтись. Уже 22 сентября состоялось экстренное собрание Общества, которое постановило войти с ходатайством в городскую Думу об отводе участка для школы и выделении средств на заготовку строительных материалов.

Дума выделила участок бесплатно. Объявленная подписка за короткий срок дала 760 рублей. Барнаульские купцы В.Н. Сухов и К.П. Платонов пожертвовали кирпич, известь, стекло. Вот так, можно сказать, всем миром, школа в августе 1886 г. была построена. Получилась она очень скромной: каждая копейка у Общества была на счету. Но и это было большой победой.

Здание школы сохранилось до наших дней. Оно по-прежнему служит делу народного образования: здесь размещается теперь детская художественная школа. Ее адрес: улица Аванесова, 30.

На открытии школы, обращаясь к членам Общества и всем присутствующим, В.К. Штильке произнес такие проникновенные слова: "Верьте, детская тропа к Нагорной школе уже не зарастет; напротив, она чем далее, тем будет становиться все глубже и глубже... Когда-нибудь благодарное потомство помянет вас добрым словом за то, что помогли посеять разумные, добрые, вечные семена света и знания в подрастающем поколении Барнаула".

Да, детская тропа к этому скромному деревянному зданию не заросла. Уже более ста лет служит школа маленьким барнаульцам. Что же касается добрых слов "благодарного потомства", тут мы, пожалуй, не очень щедры...

В 1890 году в Нагорной школе учились 160 человек (127 мальчиков и 33 девочки). Но вспомним, что учительниц-то было всего две! Причем старшая учительница, Александра Алексеевна Юферова, занималась только с третьим отделением (классом), а на долю Марии Федоровны Печеркиной приходилось 130 человек 1-го и 2-го отделений (классов). Такая нагрузка была ей не под силу.

Правда, ее выручала жена горнозаводского служащего Мария Михайловна Быкова, вызвавшаяся работать бесплатно в качестве третьей учительницы. А дочь С.И. Гуляева, Надежда Степановна, четвертый год бесплатно вела кружок рукоделия. Но это был не выход.

В связи с тем, что большинство учеников были дети мещан, Совет обратился к Мещанскому обществу (объединявшему 6000 человек) с просьбой выделить 300 рублей в год на наем третьей учительницы. Мещане раскошелились только на сотню. Совет решил отчислить 76 учеников, но на помощь пришел барнаульский купец М.И. Страхов. Он письменно заверил Совет Общества, что передаст ему 300 рублей из ожидаемой выручки за гуляние на пароходе, и половину этой суммы прислал заранее, причем указал: "Если какие-либо обстоятельства помешают гулянью, то я принимаю на себя обязанность внести в Общество деньги из собственных средств".

Так был решен в трудный для Общества период безденежья вопрос с третьей учительницей, и 76 детей получили возможность продолжить учебу.

В 1891 году Нагорная школа по числу учеников (181 человек) стала самой крупной в Барнауле. Но город рос, и по-прежнему около половины детей оставались за порогом

школы. На акте (выпуске) городских школ 23 сентября 1890 г. В. Штильке говорил: "Просятся в школу из всех концов города. Отцы и матери просят Христа ради принять их сыновей и дочерей. С болью в сердце приходится отказывать. Таких просьб особенно много поступает от населения Заячьей, устройство школы там – вопиющая необходимость. Населения в Барнауле насчитывается до 18 тысяч человек. Если бы из этого числа нашлось две тысячи, пожелавших внести по одному рублю на живое школьное дело, то существование двух школ было бы обеспечено. Но за последние 5 лет самое большое число членов было 339, а в среднем 300. Пройдет еще много времени, пока 2000 жителей Барнаула будут считать для себя потребностью вносить по одному рублю на святое дело образования народа. И это время непременно наступит. Не верить в это – значит не верить в лучшие свои идеалы, не верить в самих себя...".

14 ноября 1891 г. Общество собралось с силами и открыло младшее параллельное отделение (1-й класс) Нагорной школы для Зайчанской слободы. Василий Штильке бесплатно предоставил помещение в своем доме, попросив лишь возместить расходы на отопление и уборку. Здесь

учились 39 мальчиков и 12 девочек. Учительницей была Мария Федоровна Печеркина.

Не могу удержаться, чтобы не привести слова В.К. Штильке, сказанные им на открытии этого зародыша Зайчанской школы:

"Надо страстно желать, чтобы в чистые детские сердца вливались школою свет знания, чувство любви к ближнему и привязанность к честному труду. Света, больше света! Да придет царствие его!.."

Эти слова звучат теперь несколько старомодно, однако смысл их, суть их не устарели, нет, не устарели...

Пять лет новая школа скиталась по чужим углам. Зимой 1892-1893 г. четверо (из пяти) детей В.К. Штильке заболели тяжелой формой дифтерита. Двое из них умерли: десятилетний Леонид и трехлетний Герман. Видимо по этой причине в феврале 1893 г. школа была переведена в здание городской Думы. Потом для нее наняли лучший дом, какой только можно было найти в бедной Зайчанской слободе. А дом состоял всего из двух комнат и это для 70 учеников!

"Уже после первого часа занятий, — пишется в одном из годовых отчетов Общества, — воздух становится душен

и пропитан испарениями, а во время перемен – сплошная масса пыли...".

Только в 1896 г. общество смогло построить здание для Зайчанской школы. Оно обошлось в 10 тысяч рублей и было по тем временам вполне, как говорят, на уровне.

Эта школа строилась всем миром. Купец И.К. Платонов (кстати сказать, однокашник В.К. Штильке по Томской гимназии и активный член Общества) продал по дешевой цене кирпич со своего завода, городская Дума выделила 1500 рублей, а управление округа "по Высочайшему повелению" отпустило бесплатно 2500 бревен.

В том же 1896 г. в школе было открыто 2-е отделение, а в следующем – 3-е. (Напомню: отделениями тогда назывались классы). Теперь в Зайчанской и Нагорной школах учились около 400 человек – третья часть учеников Барнаула!

Только в Нагорной школе за первые десять лет ее существования было обучено грамоте около 900 детей. На праздновании десятилетия школы В.К. Штильке говорил: "Дать в десять лет столько грамотных, вырвать из невежественной среды чуть не целую тысячу детей, вложить в них начатки умственного и нравственного развития – это значит сделать великое гражданское дело".

Казалось бы, есть чем гордиться. Но гордиться было рано. Девиз Общества "Ни одного неграмотного!" был по-прежнему далек от осуществления. Понимал ли В.К. Штильке, что такая задача не под силу Обществу? Может быть, и понимал. Но делал все возможное в тех условиях.

"Нужны школы, школы и школы, — говорил он на очередном годичном акте городских школ. — К этой работе призывает нас тысячная толпа безграмотных детей школьного возраста, об этом просят со слезами на глазах их родители. Надо призывать всех на этот чудный труд. Поле для такой прекрасной деятельности очень велико. Было бы только страстное желание, а работы..."

"Еще работы в жизни много,
работы черной и святой..."

Стихи эти, между прочим, принадлежат Н.А. Добролюбову.

Здание Зайчанской школы тоже цело до сих пор. Кому интересно посмотреть на него, пройдите по улице Анатолия к дому №241. Теперь в нем находится филиал (младшие классы) восьмилетней школы №13 Центрального района. И все годы, до и после революции, здесь была школа. Сколько же барнаульцев научилось грамоте в ее стенах!..

УРОКИ МИЛОСЕРДИЯ

Сразу после открытия Нагорной школы выяснилось, что часть ее учеников – голимая беднота. У них не было ни теплой одежды, ни обуви. А некоторые, прежде чем идти на занятия, отправлялись просить милостыню. Не лучшей, разумеется, была картина потом и в Зайчанской школе.

Совет Общества обратился к жителям Барнаула с просьбой пожертвовать, кто что может, на одежду и питание беднейшим ученикам. Добрые люди нашлись. В отчете Совета Общества за 1888 г. читаем: "Из пожертвованных неизвестным лицом 28 аршин черного сукна и В.Н. Суховым трех кусков фланели сшито 12 теплых пальто. Прислано Н.В. Голевым 10 детских полушубков и другими лицами – разное платье. Полушубки и пальто отданы под расписку родителям учеников с тем, чтобы они вернули их после зимы..."

В 1891 г. было "роздано 12 шуб, 6 пальто, 9 пар пижам, платья и белья на 46 человек".

Много вещей раздавалось в качестве новогодних подарков на рождественских елках, которые устраивались Обществом ежегодно. Так, например, в том же 1891 г. на елке было роздано 13 платьев, 39 рубашек, 37 брюк, 5

пальто и каждому – по книжке для чтения, карандашу, ручке с пером и кульку лакомств.

По предложению В. Штильке в школах Общества впервые в Барнауле были организованы, опять же за счет пожертвований, завтраки для беднейших учеников. Купец Г.В. Грязнов прислал 4 куля крупчатки, А.Ф. Морозов – самовар и чайную посуду, М.И. Страхов и И.С. Зудилов – чай. Ежедневно в большую перемену ученики получали кружку чая и полфунта (200 граммов) хлеба.

Милые наши дети, сытые и ухоженные, поймете ли вы, каким подспорьем и радостью были эти завтраки и подарки для детей бедняков?..

Неугомонный В. Штильке пытался даже решить вопрос и с производственным обучением: он выступил с предложением открыть ремесленный класс.

"В городе у нас нет ни одного ремесленного учебного заведения, – говорил он. – Работник-ремесленник поступает в обучение к хозяину, человеку подчас крайне грубому. Массу всевозможных насмешек, обид и побоев вынесет ученик за время своего неприветливого учения. Натура его постепенно грубеет, окружающая среда дает все средства, чтобы из большинства нравственно чистых детей получи-

лись в будущем недобросовестные ремесленники. На борьбу с этим злом должно выступить Общество..."

Но денег для этого не нашлось, а призывы к благотворительности на сей раз остались без ответа. Из отчета за 1889 г. видно, что на ремесленный класс был пожертвован всего 31 рубль. На том дело и заглохло...

"БЕЗГРАМОТНЫЕ РЕЦИДИВИСТЫ"

В Барнауле имело место, по словам В. Штильке, "то печальное явление, что, с одной стороны, под влиянием экономических причин, а с другой стороны, при отсутствии книг, очень часто окончившие курс в школе не только утрачивают приобретенные ими знания, но даже делаются безграмотными рецидивистами, то есть снова забывают грамотность".

Надеюсь, читателю не надо объяснять, о каких экономических причинах, делавших бедняка "безграмотным рецидивистом", вел речь В. Штильке. Устранить их Общество попечения о начальном образовании не могло. Лишь книгами оно помогало бедняку.

23 октября 1885 г. при Нагорной школе была открыта первая в городе народно-школьная библиотека. Большую помощь в ее создании оказал уже упоминавшийся петербургский благотворитель И.М. Сибиряков, приславший хорошую подборку книг. Всего в библиотеке насчитывалось около 500 томов. Меньше, чем теперь у рядового книголюбца.

Первым библиотекарем в ней стал В. Штильке. Читателю выдавалась одна книжка на две недели под залог или расписку преподавателя. За каждый просроченный день взималась одна копейка. Библиотекой пользовались все учащиеся города. К сожалению, взрослых подписчиков (так называли тогда читателей) в ней числилось всего 15 (1892 г.) Столь малое их число отчасти объясняется тем, что выбор книг в библиотеке был крайне ограничен: в ней разрешалось держать лишь то, что было рекомендовано учащимся Министерством народного просвещения.

В Барнауле в то время появилась небольшая библиотека для взрослых, собранная чиновником горного ведомства Весниным. Но она влачила жалкое существование, обслуживая всего 70-90 подписчиков. Не было даже каталога. Хозяин не заботился о пополнении библиотеки, на-

оборот, нуждаясь в деньгах, часто продавал подписчикам понравившиеся им книги.

В марте 1887 г. В. Штильке предложил открыть в городе общественную публичную библиотеку. Совет поддержал его, городская Дума – тоже. Она передала туда свое небольшое собрание книг и выделила 400 рублей в год на подписку журналов и газет. И.М. Сибиряков пожертвовал на библиотеку 1800 рублей, единственный в городе купец первой гильдии (и, кстати, наиболее щедрый жертвователь) В.Н. Сухов – 400 рублей.

14 февраля 1888 г. Томский губернатор дал разрешение на открытие библиотеки. С этого дня и ведет свое летоисчисление гордость нашего города и края – Алтайская краевая ордена "Знак Почета" библиотека имени В.Я. Шишкова.

Большое участие в создании библиотеки приняли политические ссыльные. Один из них, С.П. Швецов, так пишет об этом: "Лучшим и наиболее ценным учреждением Школьного общества была созданная им общественная библиотека, прекрасно подобранная. Главным создателем этой библиотеки был Иван Евграфович Овсянкин (ссыльный студент Казанского университета – В.Г.); хотя в ней работали и другие политссыльные, но именно ему она обя-

зана своим богатым и превосходным подбором книг. Он затратил на нее несколько лет упорного, со стороны совершенно невидного, но тем более необходимого труда".

Не принижая роли И.Е. Овсянкина, думаю, главным создателем библиотеки все же следует считать Василия Константиновича Штильке.

Одним из первых библиотекарей стал тоже политический ссыльный – Михаил Онисифорович Курский, а позже – член Барнаульского подпольного комитета РСДРП Александр Францевич Веронский.

Как уже говорилось, не было в Барнауле и книжного склада (магазина). Спрос на книги кое-как удовлетворялся заезжими торговцами, привозившими сюда чаще всего отбросы книжного рынка. Ближайший книжный магазин находился в Томске, у П.И. Макушина, за 400 верст, да и тот появился недавно. А между тем в одном только Барнауле, кроме книголюбов, насчитывалось уже свыше тысячи учащихся; в Барнаульском округе их было около 4000 да в соседнем Бийском – 2500. Всем требовались учебники, тетради, пособия. Их приходилось заказывать в Омск, Томск и даже в Москву и Петербург.

В 1893 г. В. Штильке выступил с предложением организовать в Барнауле свой книжный склад, который взял

бы на себя роль посредника между книжным рынком и потребителем.

"Он принесет Обществу очень скромный доход, – говорил В.Штильке, – зато даст иное, более значительное – это возможность удовлетворить спрос на книги со стороны народа и провести в его среду нравственно здоровые книги взамен различных сонников, Францелей Венецианов и другого однородного литературного хлама".

Книжный склад первоначально представлял собою ... два шкафа, сделанных местным столяром и помещавшихся в городской библиотеке. Заведовал им библиотекарь, за что ему было определено добавочное жалование 60 рублей в год. Но на открытие такого склада требовалось разрешение Министерства внутренних дел, а оно тянуло с ответом более двух лет. Разрешение было получено лишь 27 августа 1895 г. В нем строго указывалось, что к продаже разрешаются "исключительно те книги, учебные пособия и повременные издания, которые одобрены Ученым комитетом Министерства народного просвещения или Ученым комитетом при Святейшем синоде".

Склад начал работать лишь с 37 декабря 1895 г., когда были получены книги и учебные пособия из Томска, из

книжного магазина П.И. Макушина. Только за 1895 – 1899 гг. было продано более 20000 книг.

НАРОДНЫЕ ЧТЕНИЯ

Еще большего труда стоило Обществу добиться разрешения на проведение в Барнауле народных чтений.

Народные чтения – это, по нынешним понятиям, нечто вроде общества "Знание". Теперь источниками знаний для нас служат не только лекции, а телевидение, радио, кино, газеты. Тогда же ничего не было, кроме газет, да и те получали единицы.

В 1890 г. В.К. Штильке внес предложение на Совете об организации народных чтений в Барнауле. По закону они разрешались только в губернских городах, но тем не менее Совет вошел с ходатайством к попечителю Западно-Сибирского учебного округа.

Ответа не последовало.

В 1893 г. ходатайство было повторено. На сей раз пришел такой ответ: "Так как для разрешения устройства в Барнауле народных чтений потребовалось бы изменение Высочайше утвержденных Правил об устройстве народ-

ных чтений в губернских городах, то я со своей стороны не признаю возможным возбуждать подобное ходатайство для одного уездного города, тем более что в Барнауле нет таких лиц, которым на основании упомянутых выше Правил мог быть поручен надзор за предполагаемыми чтениями для народа".

Господин попечитель предложил взамен народных чтений устроить рекомендованные министром народного просвещения воскресные курсы "по тем отраслям знаний, какие окажутся соответствующими потребностям местных условий" (в основном черчение и рисование). Совет на такой вариант не согласился.

И только 22 декабря 1899 г., то есть через девять с лишним лет и, кстати, при новом попечителе, народные чтения были наконец-то разрешены! Но их поставили в жесткие рамки: список лекторов утверждался губернатором, лекции разрешалось читать лишь по темам, указанным в каталоге.

Народные чтения начались 18 января 1900 г. Сперва они проходили в школах, затем в Народном доме.

ВОСКРЕСНЫЕ ШКОЛЫ

В 1890 г. В.К. Штильке выступил еще с одной инициативой: организовать в Барнауле воскресные школы.

Воскресные школы появились в России в середине XIX в. Предназначались они для неграмотных и малограмотных взрослых и детей, а назывались так потому, что занятия в них проводились по воскресениям, то есть в нерабочее время. Учили в них в основном чтению и письму.

Ходатайство об открытии воскресных школ было послано попечителю Западно-Сибирского учебного округа 30 сентября 1890 г. Лишь через три (три!) года от директора училищ Томской губернии пришел ответ такого содержания:

"На ходатайство мое Его Превосходительство Господин попечитель Западно-Сибирского учебного округа в предложении от 29 апреля с.г. за №958 сообщил мне, что по Высочайшему повелению, состоявшемуся 10 июля 1892 года, все существовавшие воскресные школы закрыты впредь до преобразования их на новых основаниях, какого преобразования до сего времени не последовало, а потому Его Превосходительство не признает возможным

удовлетворить ходатайство об открытии воскресных школ".

Трудно приходилось В.К. Штильке, не правда ли? Три года ждать и получить такую отписку...

В 1897 г., пользуясь новым Положением о воскресных школах, в силу которого они были переданы в ведение духовенства, Совет снова возбудил ходатайство перед местной епархиальной властью и на сей раз получил разрешение.

9 ноября 1897 г. Общество открыло две воскресных школы: при Нагорной и Зайчанской школах. Число слушателей в них доходило в иные годы до 400 человек, возраст колебался от школьного до 55 лет. Ученикам выдавались бесплатно бумага, карандаши, учебники. Преподаватели трудились безвозмездно (мы теперь говорим: на общественных началах). Продолжительность обучения для одного набора составляла 23-24 урока. Конечно, многому за это время не научишь, и все же воскресные школы сыграли большую роль в повышении грамотности населения, особенно взрослого. Ежегодно их оканчивало более 200 человек – цифра для тогдашнего Барнаула немалая.

Но этим значение воскресных школ не исчерпывается. "Открытие занятий в воскресных школах, – пишет

П.Е. Семьянов, – с первых же шагов сопровождалось организацией политических кружков из групп взрослых... Уже с 1902 года народническая пропаганда в них была вытеснена марксистской".

Ну а что же В. Штильке? Ответим коротко: В.К. Штильке знал, что делается в воскресных школах. Более того, он сам подбирал преподавателей для них...

НАРОДНЫЙ ДОМ

Трудно переоценить заслуги Общества в постановке театрального дела в Барнауле. Устраиваемые им спектакли при малой входной плате приучали к театру самые широкие слои барнаульцев, знакомили их с лучшими произведениями отечественной и зарубежной драматургии.

Спектакли были важнейшим источником доходов Общества. При Совете действовала театральная секция, которая собрала вокруг себя лучшие любительские силы Барнаула. Среди них были Надежда Степановна Гуляева, Мария Федоровна Печеркина, Сергей Иванович Борисов (известный фотограф, а позже – актер первого советского государственного театра в Барнауле), Варвара Александр-

ровна Соколова, жена уездного воинского начальника, и другие. Кстати, этот воинский начальник, И.Ф. Соколов, водил дружбу с В.К. Штильке и другими политссыльными, о чем не раз с раздражением отмечалось в жандармских политобзорах. Позже он стал редактором газеты "Степной край".

Одним из активнейших участников спектаклей был Василий Штильке. Спектакли вначале ставились в Алтайском горном собрании, но 31 января 1890 г. здание сгорело. Лишь после закрытия сереброплавильного завода, то есть через три года, артисты-любители обрели временное пристанище в одном из его цехов.

В.К. Штильке еще в 1887 г. высказал мысль, что для самостоятельности Общества ему нужно собственное библиотечно-театральное здание. Теперь этот вопрос встал ребром. Местными силами составили простенький проект и смету на 13 тысяч рублей. Послали их давнему благодетелю И.М. Сибирякову. Тот ответил, что согласен пожертвовать 5000 рублей, если строительство здания станет на практическую ногу.

Легко сказать... Как его поставить на практическую ногу, если в кассе после строительства Зайчанской школы

– ни копейки, а поступающих доходов едва хватает на содержание двух школ!...

Один только В. Штильке, рассказывают, не падал духом. "Не сразу Москва строилась, – убеждал он маловеров. – Будет у нас собственное здание! Оно должно быть".

Но как и откуда, он тоже сказать не мог.

И тут ссыльный народник С.П. Швецов подал совет: попросить у Кабинета полуразрушенное давним пожаром кирпичное двухэтажное здание заводской тюрьмы, руины которой уже двадцать лет мозолили глаза барнаульцам. А заодно попросить и сад. Попытка – не пытка!

"Мысль о превращении пустовавшего в течение многих лет здания бывшей тюрьмы, – пишет в своих воспоминаниях С.П. Швецов, – со стенами которой было связано у населения столько мрачных воспоминаний, принадлежала политической ссылке, а именно пишущему эти строки. Первоначально она была принята, как нечто, стоящее на грани "безумия", тюрьма-то была собственностью Кабинета Его Величества, во-первых, и, во-вторых, на постройку народного дома у Общества не было ни копейки денег. Городская дума в помощи отказала".

Однако решили рискнуть. 1 июля 1891 г. послали в Кабинет ходатайство об уступке Обществу одного из двух

мест: тюрьмы с Аптекарским садом или Конюшенной площади. Ходатайство поддержал начальник округа В.К. Болдырев, вступивший на эту должность после смерти Н.И. Журина.

10 апреля 1893 г В.К. Болдырев уведомил Совет, что Кабинет бесплатно уступил здание тюрьмы и сад на все время существования Общества. В.К. Болдырев же, находясь в Петербурге по служебным делам, взял на себя труд подыскать там архитектора.

Автором проекта библиотечно-театрального здания стал выдающийся русский зодчий второй половины XIX в. Иван Павлович Ропет. (Настоящее его имя Иван Николаевич Петров. Отчество Павлович он принял в знак признательности деду, воспитавшему его).

И.П. Ропет выполнил работу бесплатно. Он попросил лишь оплатить труд чертежников и копировщиков.

Теперь остановка была за деньгами. Денег нужно было столько, сколько Общество никогда не имело. О том, как непросто было их доставать, можно понять из письма В. Штильке от 22 февраля 1898 г. В. Болдыреву:

"...Приходится бросаться всюду, где только является проблеск, намек, слабая надежда, микроскопическая веро-

ятность, поэтому не нужно удивляться и порицать нас за то, что:

1. Написали Иркутскому генерал-губернатору, собравшему на театр в Иркутске 300 тысяч; просим администратора уделить нашему Обществу хоть крупицу того теплого участия, которое он оказал Иркутску;

2. Посылаем Министерству финансов – просим в безвозмездную субсидию 15000 рублей или в ссуду, в последнем случае с погашением из поступающих пожертвований, а также из чистого дохода, который будет приносить здание в будущем. Основую такого ходатайства являются работы Общества, во многом совпадающие с аналогичными работами Общества трезвости (библиотеки, театр, чайная, гуляния), которым даются Министерством субсидии;

3. На основании того же мотива пишем принцу Ольденбургскому, председателю попечительств о народной трезвости и устроителю Народного театра в Петербурге;

4. Написано и послано Вере Николаевне фон Дервиз, известной жертвователнице, устроившей в Петербурге Народный дом (в 25 тысяч);

5. Варваре Амирьевне Морозовой (в Москву), которую за помощь делу народного образования Император-

ское вольное экономическое общество наградило золотой медалью.

Всем перечисленным лицам посланы отчеты общества и план строящегося здания. Отчеты с альбомом через неделю будут посланы также министру Двора, Управляющему кабинетом г. Стивен...

Все, как видите, намечается в широком масштабе, но каково-то исполнится, какие получатся результаты? А, каюсь, страстно хотелось бы завершить здание – это чудное для будущности Школьного Общества и Барнаула здание!..."

Из всех адресов, куда обращался В. Штильке, откликнулось лишь Министерство финансов; с позволения царя оно предоставило Обществу безвозмездную субсидию в 10000 рублей.

Немалым источником доходов стал уступленный Обществу Аптекарский сад (ныне парк культуры и отдыха Центрального района). В нем были построены летний театр, бильярдная (бильярд пожертвовал В.К. Штильке), буфет, кегельбан, газетная, стрелковый тир, детская площадка.

Сад был открыт в мае 1895 г. Он работал с 6 до 24 часов ежедневно. В дни гуляний взималась входная плата: со

взрослых – 5 копеек, с детей – 3 копейки, в дни спектаклей – соответственно 10 и 5 копеек. В остальные дни вход был свободный.

За порядком наблюдали члены комиссии по организации работы в саду, которую возглавлял В.К. Штильке.

Только летом 1897 г. было проведено 45 гуляний и поставлено 15 спектаклей, один из них – в пользу художника-самоучки А.О. Никулина, отправлявшегося в Петербург, в рисовальную школу барона Штиглица. (Никулин Андрей Осипович (1878-1945) – известный художник-пейзажист и театральный декоратор, заслуженный деятель искусств РСФСР. С 1924 г. и до конца жизни – художник киностудии "Мосфильм").

Кроме сада Общество устроило детские площадки и в других районах города. Главной их целью был не доход, а организация разумного отдыха детей.

В 1897 г., к началу строительства здания, в кассе Общества накопилось 28 тысяч рублей, в том числе: субсидия Министерства финансов – 10000 рублей; пожертвованы И.М. Сибиряковым – 5000; А.Ф. Морозовым – 2000; другими лицами – 3000; Главным управлением округа (из сумм орехового сбора) – 900 рублей; В.Н. Сухов пожерт-

вовал строительных материалов на сумму 2040 рублей, И.К. Платонов – на 500 рублей.

Строительством руководила комиссия. Большую и бескорыстную помощь оказал прибывший в июне 1899 г. на должность гражданского архитектора Алтайского округа Иван Федосеевич Носович. Кстати, это по его проекту был построен в 1916 г. в Бийске Народный дом (ныне городской драмтеатр).

Ну а В.К. Штильке пропадад на строительной площадке все свободное время.

Нехватка средств вынудила строителей упростить проект. Не хватило денег даже на наружную штукатурку. Здание, выстроенное из красного кирпича, резко выделялось на фоне строгих, в духе классицизма построек Петропавловской улицы.

17 декабря 1900 г. оно было открыто.

ЧТО МОГУТ ЭНТУЗИАСТЫ

А теперь подведем краткий, итог рассказанному. Что появилось в Барнауле за 16 лет деятельности Общества?

Две начальные школы, в которых училась треть барнаульских школьников. Это были первые в городе смешанные и бесплатные школы. В них не только учили бесплатно, но и обеспечивали остро нуждающихся учебниками, одеждой, горячими завтраками, а наиболее способным помогали продолжать образование.

Две воскресные школы, помогавшие постигать грамоту не только детям, но и взрослым.

Две школьных и одна городская библиотеки, в которых постепенно накапливался солидный фонд. Эти книги были доступны для простого читателя, поскольку пользование книгами в них было бесплатным.

Книжный склад (магазин), что было крайне редким явлением, особенно для такого провинциального региона, как Алтай.

Народные чтения, способствовавшие просвещению народа в Барнауле.

Любительский театр, пользовавшийся огромной популярностью горожан.

Городской сад, ставший любимым местом отдыха барнаульцев.

Детские площадки, карусели, зимой превращавшиеся совместными усилиями горожан в катки.

И, наконец, Народный дом с залом на 1000 мест, сделавший бы честь любому губернскому городу.

Судите сами, читатель, много это или мало для уездного городка с населением (к концу XIX в.) около 30 тысяч человек. Но прежде чем судить, вспомните, что сделано все это (или почти все) было в один из самых мрачных, если верить учебникам, периодов нашей дореволюционной истории – во времена царствования Александра III.

В те годы дальние, глухие
в сердцах царили сон и мгла...

(А. Блок)

И в такую глухую пору в уездном сибирском городке кучка энтузиастов делала, оказывается, полезные и благородные дела. А душою всех дел был человек, вошедший в историю нашего города под скромным именем просветителя!

Общество попечения о начальном образовании в Барнауле получило признание как одно из лучших в Сибири. Его деятельность была отмечена: 1890 г. – похвальным листом на Казанской научно-промышленной выставке "за деятельность вообще и в частности за содержание нагорной школы и открытие народной библиотеки"; в 1895 г. – похвальным листом Курганской сельскохозяйственной и

кустарно-промышленной выставки "за полезную деятельность по распространению народного образования"; в 1896 г. – дипломом 2-й степени (на серебряную медаль) на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде; в 1900 г. – серебряной медалью на Всемирной выставке в Париже.

По примеру Томска и Барнаула Общества попечения о начальном образовании возникли в Бийске, Енисейске, Кургане, Омске, Минусинске, Красноярске, Семипалатинске и других городах.

"ИКОННЫЕ ЛЮДИ"

Как уже говорилось, всю огромную работу в Обществе В.К. Штильке (да и все его помощники) выполнял совершенно бескорыстно, "на общественных началах"; более того, сам нередко дарил Обществу книги, разные вещи или вносил небольшие суммы денег. Больших у него никогда не водилось, ведь он был отцом шестерых детей и жил, как мы теперь говорим, на одну зарплату. Рассказывают, что у его дочерей порою приличного платья не было, чтобы сходить в гости.

Служением делу народного образования его деятельность не ограничивалась. Он был одним из создателей Общества любителей исследования Алтая, организовал в 1901 г. Общество взаимопомощи личного труда из приказчиков, успевал писать во многие газеты по вопросам образования, переселенческому делу и др. П.Е. Семьянов утверждает, что В.К. Штильке под разными псевдонимами публиковал немало разоблачительных материалов о злоупотреблениях горнозаводской администрации. Возглавлял одно время, по свидетельству С.П. Швецова, отделение "Тобольского листка" в Барнауле.

А в 1905 г. сам задумал издавать ежедневную газету "Голос Алтая" (в Барнауле тогда еще не было своей газеты) и, наверное, добился бы своего, если бы не начавшиеся вскоре драматические события.

На сохранившихся фотографиях Василий Константинович Штильке производит впечатление человека умного, доброго, энергичного, притом исполненного спокойного достоинства. Ну а что писали о нем современники?

По их отзывам, характер В. Штильке был ровный, говорил он всегда спокойно, образно, своих противников не громил, а убеждал. Отличался безукоризненной честностью и благородством.

В.К. Штильке не всегда был домашним учителем. В 1886-1897 гг. он преподавал алгебру, историю, географию и немецкий язык в горном (окружном) училище. Его бывший ученик П.Е. Семьянов так отзывается о нем: "Училище напоминало бурсу Помяловского. Но ни кондуиты, ни карцеры не исправляли воспитанников. Между тем одного огорченного взгляда Василия Константиновича или возгласа "Третий класс! Третий класс!" было достаточно для прекращения шалостей. Он всегда был стойким защитником воспитанников на педсовете... Его лекции были спокойны и красивы, очаровывали слушателей художественными образами и сравнениями, удачными эпитетами и глубоко логическими обобщениями..."

Но педагогическая деятельность была вредна для слабого здоровья В.К. Штильке. Он кашлял, страдал одышкой, у него часто шла горлом кровь. Врачи, друзья, домашние в один голос советовали ему не переутомляться, не волноваться, оставить училище, а может, и общество.

Из училища он, правда, ушел, стал чиновником Главного управления округа, а с 1900 г. – производителем работ по землеустройству, – все лето на воздухе, в разъездах по Алтаю.

Но это лишь ради заработка. А душу и сердце он отдавал, если можно так выразиться, Обществу...

Очень интересно, на мой взгляд, обрисовал В.К. Штильке его многолетний соратник по Обществу М.О. Курский в статье "Праздник", опубликованной 10 ноября 1909 г. в газете "Барнаульский листок". Этой газеты на Алтае не сохранилось. и, наверно, читатель меня не упрекнет, если я упомянутую статью, немного сократив, вставлю в свои записки.

"Это было девять лет тому назад. В один из осенних дней, идя по улице, я услышал знакомый голос Василия Константиновича. Оглянулся и глазам не поверил: подъезжает ко мне на извозчике Штильке, обнявшись с кулками, из которых торчат головки бутылок.

— Нечего глаза тарашить, а приходите-ка лучше к четырем часам.

— Я-то причём? — спрашиваю, указывая на бутылки.

— Да ведь и я тоже не специалист по этой части, а вот сегодня, видите... А вы не умничайте, а пригласите близких-то людей. Мне не успеть.

— Да что у вас? — спрашиваю.

— Фу ты! Да в центре всемирного прогресса и просвещения, в столице Франции, признаны наши культурные

заслуги. Барнаульское школьное общество признано членом семьи двигателей европейского прогресса.

– Да в чем все-таки дело?

– Парижская всемирная выставка удостоила серебряной медали наше Общество. Поезжай, Степаныч, – сказал он кучеру. – Так приходите!..

Мне хорошо был знаком и понятен прилив той младенческой радости, которая время от времени посещала В.К. Штильке в дни особого успеха школьного общества, делала его юным и наивным. Успехи эти чрезвычайно бодрили и молодили его...

За столом у Штильке собрались почти все его близкие друзья. Один воскликнул:

– Боже мой! Что это с хозяином сделалось? У него шампанское.

– Э, господа, – улыбнулся В.К. Штильке в свою седую бороду. – Это дело будет с уговором. Вы шампанское заработать должны. Я налью, а вы речи говорить будете. Давайте-ка, кто видал, как это у хороших людей делается?

– А мне-то зачем? – запротестовал я, когда хозяин и передо мной поставил стакан пузырящегося вина.

– Вот невежество! Да разве можно сегодня отказываться? – спросил Василий Константинович.

Со всех сторон посыпались на меня такие порицания, что я поспешил взять стакан в руку.

– Ну-с, господа, – скомандовал Штильке, – начинайте богослужение.

Первым встал В.В. Он говорил много и, пожалуй, складно – об успехах цивилизации, об образовании и свел на то, что "мы – движущая сила". Вероятно, он говорил бы еще, но, воспользовавшись паузой, общий наш любимец старец Ник. С-ч, не вставая, заговорил.

– Я, братцы, не оратор и тосты сроду не говаривал, но сейчас мне шибко хочется сказать маленькую побалушку. Были мы со старухой в Третьяковской галерее.

– Чей это, – спрашивает она, – портрет?

– Это, говорю, – Павла Михайловича Третьякова, основателя галереи.

– А ведь он, смотри-ка, Никита, похож на икону.

– И то, – говорю, – походит.

Потом вдолге после этого увидела она Николая Михайловича Мартьянова и спрашивает:

– Кто это у тебя был?

– Мартьянов, основатель Минусинского музея.

А помнишь, Никита, мы с тобой смотрели иконный портрет Третьякова? И у Мартьянова тоже иконный вид.

Потом она признала иконным и Григория Николаевича Потанина, а когда приехали в Барнаул, то, увидев на улице Василия Константиновича, прямо сказала мне:

— Сегодня видела иконного человека. Это непременно должен быть Штильке.

Вот, я, братцы, и думаю, почему это хорошие дела делаются большей частью иконными людьми? Или они от этих дел делаются иконными? Мы вот, слава тебе, господи, в телесах (он под общий смех похлопал себя по необъятному животу) и в силах, кажется, а не будь между нами этих самых иконных, не поднялись бы мы сами на дело. А около них и нам есть доля поработать. Смотришь, в жизни-то что-нибудь и прибавится.

Выпьемте, братцы, за иконных людей, чтобы они не переводились!

Все в ответ дружно чокнулись с Н.С. и даже я, не пьющий вина, не помню, как осушил свой стакан.

В.К. Штильке был взволнован. Отвечая Н.С., он признал, что в сердцевине Общества ему выпало на долю больше других пульсировать.

— Не буду кокетничать, отказываться от своих заслуг. Да и что я буду лгать, коли они доставляют мне удовольствие собой, а это для меня, друзья, большое счастье. Я счастлив

тем, что прожил не совсем худую жизнь. А насчет тех, с которыми Н.С. подравнял меня в одну линию, я без всякой скромности и кокетства, самым искреннейшим образом заявляю, что вы меня переоцениваете. Уж поверьте мне; себя-то я хорошо знаю.

Иконные люди сделались господствующей темой дальнейшего разговора. Кто-то сравнил их с яркими огоньками, разгоняющими сумрак повседневной жизни. Вспомнили о дорогих могилах, о воспитательном значении почитания памяти хороших людей.

— Это вы проповедуете деспотизм авторитетов! — завопил пылкий Л.Ф. —

— Создаете новый культ, навязываете новых святых, связываете их примером свободу действий молодых поколений. Довольно с нас авторитетов, довольно святых!

Его поддержал В.М.:

— Скажите, пожалуйста, чем мы обязаны им? Нужно установить ценность их труда. Произвели ли они настолько ценностей, во сколько обошлось обществу их содержание? Мужик-то, который кормил их своим трудовым хлебом, ни книжек их не читал, ни музеев и картинных галерей не рассматривал. На поверку-то выйдет, пожалуй, что они должниками остались.

– Господа, господа! – подал голос зарумянившийся
Г.Е. – Господа! Поэт-гражданин Некрасов сказал:

Нужны нам великие могилы,

Коли нет величия в живых!..

– Эх, вы, могильники, – перебил кто-то.

Забытый всеми хозяин растерянно посматривал на гостей из своего угла и недоумевающе прислушивался к их речам. С лица его исчезло выражение детски-счастливого довольства.

Чуткий Н.С. и тут выручил:

– Слышал, Василий Константинович, куда у них мысль-то хлещет? Это хоть и пьяные и несуразные, а все-таки дрожжи бродят. Выбросятся – толк будет. Новые речи-то пошли и нам подчас непонятные, а все придут к делу. И ты больше всех виноват, что дрожжи забродили в здешнем углу. Твоя вина и твое вино. Мирись, брат!.."

Обратите внимание: "Ты больше всех виноват, что дрожжи забродили в здешнем углу". Эти слова о многом говорят. Так оценивали современники просветительскую деятельность В.К. Штильке.

Из разговора можно понять, что за столом собрались и народники, и представители зарождающейся в Барнауле социал-демократии. Жаль, что они обозначены инициа-

ми. Но с некоторой степенью риска часть этих инициалов можно расшифровать.

Г.Б. – это Григорий Борисович Баитов, политссыльный.

В.М. – барнаульский купец В.М. Вершинин, член Совета Общества, позже издатель газеты "Жизнь Алтая". Между прочим, в 1905 г. черносотенцы неспроста разгромили его магазин.

Н.С. – это, возможно, Никита Семенович Горохов, общественный деятель, примыкавший к политссыльным-народникам.

Л.Ф. (возможно, А.Ф.) – это мог быть Александр Францевич Веронский, топограф, заведующий народными чтениями, позже – член Барнаульского подпольного комитета РСДРП.

Нетрудно заметить, как велик был авторитет В.К. Штильке в Барнауле. Об этом говорит и другой факт, о котором просто нельзя умолчать. 10 июня 1894 г. Барнаул хоронил выдающегося общественного деятеля Сибири, писателя, публициста, путешественника Николая Михайловича Ядринцева. Речь на его могиле от имени жителей города и, конечно, не по своей инициативе произнес В.К. Штильке. А 14 лет спустя барнаульцы оказали еще одну

честь неутомимому поборнику просвещения: они похоронили его рядом с Н.М. Ядринцевым...

ПОД НЕГЛАСНЫМ НАБЛЮДЕНИЕМ

А теперь посмотрим, как аттестуют В.К. Штильке чины Томского губернского жандармского управления. Они тоже его хорошо знали, но знали по-своему: с 1885 г. и до конца жизни В.К. Штильке находился под негласным наблюдением полиции.

Вот что говорилось в справке, представленной в 1888 г. в департамент полиции:

"...Штильке состоит под наблюдением жандармского управления, как лицо самой сомнительной благонадежности в политическом отношении. Поводом к учреждению за Штильке наблюдения послужили: его постоянные сношения с политическими поднадзорными и ссыльными, сожительство с ними в одной квартире и сотрудничество их со Штильке по деятельности преподавателя. Кроме того Штильке обратил на себя внимание и по деятельности Общества попечения о начальном образовании в г. Барнауле. Установлено, что состав преподавателей школы, открытой

Обществом и состоящей в административном заведывании Штильке, преимущественно представляют собою группы лиц сомнительной благонадежности. Юферова (жена привлекавшегося по политическому делу), Мария Печеркина (сестра политического поднадзорного Андрея Печеркина); к делу начального образования названного Общества привлечено немало неблагонадежных: Ольга Кучина, Василий Покровский, Будкеев и др.

В.К. Штильке, состоя товарищем председателя Общества, пользуется в среде его видным значением, чему немало способствуют его особо дружеские отношения с начальником округа Н. Журиным.

По отзыву жандармского управления, В.К. Штильке – человек хитрый и осторожный, в религиозном отношении – неверующий, и было бы весьма желательно устранить В.К. Штильке от педагогической деятельности, воспретить ему заведование школою и подчинить последнюю особому наблюдению учебного начальства".

Из рапорта начальника Сибирского жандармского округа в департамент полиции от 26 октября 1888 г.:

"...Штильке вполне нерелигиозный человек: в храмах божиих не бывает ни в какие дни и праздники, а если и приходит присутствовать на молебствованиях в школе

упомянутого Общества, то он постоянно с кем-нибудь разговаривает и не крестится, а находится тут потому, что надо быть...

В мае с.г. по Барнаулу распространился слух, что Штильке, преподавая в горном училище историю, на одной из последних лекций будто бы говорил ученикам, что в бозе почивший государь император Александр Николаевич совершенно неправильно именуется царем-освободителем, что не по собственному своему убеждению он изволил освободить крестьян от крепостной зависимости, а что должен был это сделать, ибо Его Величеству грозил бунт, а может быть, и более печальные последствия".

А вот что сказано в политобзоре помощника начальника управления по Барнаульскому и Бийскому округам за 1890 г.:

"По моему мнению, барнаульский дворянин Василий Константинович Штильке гораздо опаснее всех ссыльных... Штильке имеет очень близкие и даже дружеские отношения ко всем политическим ссыльным, скомпрометированным в политической благонадежности. Штильке большинством жителей г. Барнаула не любим и потому в кругу благонадежных людей не вращается, имеет свой

особый круг знакомств и, кроме сего, бывает в домах: уездного воинского начальника полковника Соколова и чиновника по крестьянским делам I-го участка Барнаульского округа Василия Яковлевича Покровского (бесслесного казначея Общества – В.Г.)"

Наверное, читатель и без пояснений поймет, о каких благонадежных людях, не любивших В.К. Штильке, идет здесь речь.

Приведу в заключение еще одну выдержку из донесения начальника жандармского управления в департамент полиции 10 мая 1890 г.:

"...20 февраля с.г., сообщив г. начальнику Алтайского горного округа все имеющиеся у меня сведения, убеждающие в политической неблагонадежности Штильке, я просил Его Превосходительство об устранении его, Штильке, от учительской деятельности, но и это отношение мое не имело успеха; за начальника округа действительный статский советник Кобылин уведомил меня, что он не считает себя вправе прекратить преподавательскую деятельность г. Штильке в горном училище немедленно, тем более, что сообщенные о нем мною сведения дошли до него, Кобылина, в первый раз, а поэтому вышеозначенное отношение мое он препроводил к господину начальнику

округа в Петербург, распорядившись вместе с тем усилить надзор за преподаванием г. Штильке".

Безуспешно закончилась и попытка жандармских чинов отстранить от преподавательской деятельности и учительницу Нагорной школы Юферову Александру Алексеевну. 9 марта 1895 г. попечитель Западно-Сибирского учебного округа дал указание директору училищ Томской губернии "по окончании учебного года предложить госпоже Юферовой подать прошение об увольнении ее со службы".

Директор училищ передал это требование новому начальнику округа В.К. Болдыреву. Тот ответил: "Знаю Юферову как образцовую преподавательницу, ведущую дело обучения в Нагорной школе уже 10 лет и имеющую прекрасное нравственное влияние на обучающихся... Прошу оставить Юферову в настоящей должности".

И господин попечитель вынужден был уступить высокопоставленному лицу Кабинета Его Величества. Он лишь попросил В.К. Болдырева "принять на себя труд в наблюдении за Юферовой".

Александра Алексеевна и в документах за 1918 г. числилась еще в списках учителей Нагорной школы. Где-

то встретила мне такая ее фраза: "Мои ученики давно уже детей своих приводят ко мне в школу..."

Чем объяснить это странное, на первый взгляд, заступничество высокопоставленных царских чиновников за "политически неблагонадежных лиц"? Наивно было бы подозревать Н.И. Журина и В.К. Болдырева в революционности. Просто они видели, что политссыльные стремятся не к разрушительной, а созидательной деятельности. Кстати, это невольно подтверждали и чины жандармского надзора, ежегодно отмечавшие в своих политобзорах, что их подопечные "образ жизни ведут трезвый, ни в чем предосудительном не замечены", за исключением разве того, что "все как гласно, так и негласно поднадзорные составляют сплоченный дружеский кружок".

А раз так, то почему бы не использовать их знания и опыт, тем более что образованных людей в Барнауле их как не хватает!..

И использовали, причем с немалым успехом и пользой.

"Трудно назвать политссыльного в Барнауле, – писал С.П. Швецов, – который не принимал бы хотя бы самого скромного участия в деятельности "Общества попечения о начальном образовании". Одного из них, ссыльного сту-

дента Казанского университета И.Е. Овсянкина, Швецов, как уже говорилось, называет главным создателем городской общественной библиотеки.

Политссыльные оставили заметный след и как исследователи Алтая. Они активно участвовали в работе созданного в 1891 г. "Общества любителей исследования Алтая" (с 1902 г. – Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела РГО). Одним из учредителей и наиболее деятельных членов его был С.П. Швецов, автор 35 крупных работ и более 30 статей по экономике, статистике, переселенческому вопросу, жизни и быту населения Алтая, русских и алтайцев. 26 марта 1895 г. под его руководством была проведена однодневная перепись населения Барнаула.

Доброй его помощницей была жена, М.П. Лаврова-Швецова, тоже политссыльная, автор самостоятельных работ: "Об алтайских калмыках", "Змеиногорские поляки", "Горнорабочие Риддерского рудника".

До 1912 г. силами "Общества" издано 11 номеров "Алтайского сборника" с материалами исследований.

Политссыльные: учитель гимназии, выпускник Казанского университета П.А. Голубев, студенты того же университета Н.М. Зобнин и уже упоминавшийся И.Е. Овсянкин издали в 1890 г. прекрасный историко-

статистический сборник "Алтай". Г.Б. Баитов в 1903 г. опубликовал в томском журнале "Сибирский наблюдатель" содержательные "Очерки муниципального Барнаула".

Все названные выше работы и донныне пользуются большим спросом у исследователей.

Ссылный народоволец Л.П. Ешин в 1915-1916 гг., проживая в Барнауле, возглавлял "Общество разумных развлечений" при Народном доме, состоявшее из секций: артистов, чтецов и декламаторов, певцов, музыкантов.

Одним из деятельных помощников В.К. Штильке в течение многих лет был административно-ссылный школьный учитель М.О. Курский. Он тоже активно сотрудничал в сибирских газетах, а еще больше в местной "Жизни Алтая", в 1912 г. основал свою газету "Алтайский крестьянин", стал ее издателем и редактором. (В 1916 г. преобразована в журнал.)

Вклад политссылных в общественную, культурную, научную жизнь Барнаула и Алтая трудно переоценить. Это, без преувеличения, стало возможным лишь благодаря поддержке Н.И. Журина и сменившего его В.К. Болдырева.

"Покойный Журин, — отмечалось в жандармском политобзоре за 1891 г., — своим сочувствием к политссыл-

ным, знакомством с ними, предложением им мест на заводах как бы постепенно вводил их в общество и своим авторитетом приучал и других смотреть на них как на несчастных, невинно пострадавших, а не как на наказанных, вредных Правительству лиц".

Верные слуги самодержавия, Н.И. Журин и В.К. Болдырев были вместе с тем людьми в меру прогрессивными и либеральными, считавшими, как мне кажется, недостойным для себя делом сотрудничать с "голубыми мундирами". Другая причина заступничества, возможно, заключалась, как отмечается в некоторых воспоминаниях, в застарелых распрях между кабинетским и губернским начальством. Порой они не прочь были подставить друг другу ножку...

БУНТ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

А теперь вернемся назад, к открытию библиотечно-театрального здания, состоявшемуся, если помните, 17 декабря 1900 г. Прошло оно с большим торжеством. В адрес Общества и главного "виновника" – Василия Штильке пришли многочисленные поздравительные телеграммы из

разных городов страны. Его назвали героем дня. Он был счастлив, взволнован, растроган. Исполнилась его заветная мечта. Вот небольшая выдержка из его речи на открытии здания:

"... Я был еще ребенком и с ужасом смотрел на мрачное здание с железными решетками, из-за которых виднелись бледные лица запертых людей... И теперь там, где прежде было царство горя, слез, рыданий, свидетелями которых оставались одни только тюремные стены, где люди, быть может, проклинали день и час своего рождения, теперь восстало иное, бодрое, живящее, поднимающее и облагораживающее чувство и душу..."

Местный врач И. Евфратов откликнулся на это событие такими стихами:

На развалинах мрачной позорной тюрьмы,

Где преступник в цепях изнывал,

Где царило дыханье тлетворное тьмы,

Этот храм просвещенья восстал...

Намного сдержанней, критичнее описывает открытие "храма просвещенья" газета "Сибирская жизнь":

"Публики на торжественном собрании было человек до двухсот, преимущественно чиновников разных ведомств и представителей местного торго-

промышленного класса. Преобладали шитые золотом и серебром форменные сюртуки и мундиры и нарядные туалеты дам. Простой серый люд совершенно отсутствовал.

После молебна было произнесено несколько речей. Ораторы говорили о любви к "меньшому брату", о том, что выстроенное здание будет источником народного просвещения, начал любви и справедливости, что к нему не вырастет народная тропа. Дай Бог, чтобы эти пожелания оправдались.

Мы уже сказали, что простого народа на торжестве не было, да ему и трудно было попасть на столь блестящее собрание – у дверей стоял полицейский солдат и не пускал одетых в простое крестьянское платье. Возможно, почтенному стражу показалась слишком позорной попытка двух-трех "сермяг" послушать, о чем это говорят господа. Один из членов Общества должен был умерить пыл рьяного служаки..."

Вполне возможно, что этим членом Общества был Василий Штильке. Вполне возможно также, что это по его настоянию 4 января 1901 г. был устроен бесплатный вечер для простого народа, тех самых "сермяг". Описание вечера тоже сохранилось:

"Большой зал и смежные с ним комнаты Школьного здания были буквально переполнены народом, собравшимся в числе до 1000 человек посмотреть поставленный любителями водевиль, послушать игру тех же любителей на рояле и хор песенников-солдат местного батальона. Затем состоялись весьма оживленные танцы, плясали польку и местный народный танец "восьмерку". Публика веселилась до 10 часов и разошлась довольная и благодарная за доставленное удовольствие".

Как же получилось, что простой народ стал вдруг нежелательным гостем в Народном доме?

Не вдруг, читатель. Но сначала позвольте привести еще один пример.

В начале 1901 г. на общем собрании Общества кто-то предложил назвать вновь построенное здание Народным домом или Народной аудиторией. После бурных прений предложение было отвергнуто и постановлено слово "народный" вообще изъять из употребления.

Совсем изъять его не удалось, но попытка такая была. И удивляться этому не надо. Дело в том, что Общество, как уже говорилось, состояло в основном из чиновной интеллигенции и купечества. Многие из них не прочь были выделить толику от щедрот своих в пользу "меньшого бра-

та", принять участие в том или ином благотворительном мероприятии, но не больше. Вскоре они попытались устранили из Совета сторонников "излишней" демократизации Общества, и в первую очередь, В.К. Штильке. Повод выбрали, казалось бы, пустяковый.

Попечитель Западно-Сибирского учебного округа запретил учащимся барнаульских учебных заведений посещать Народный дом. В.К. Штильке с одобрения Совета послал телеграмму с просьбой снять запрещение. Это ходатайство было поддержано городской Думой, а также экстренным собранием Общества, состоявшемся 31 декабря 1900 г.

И вдруг поступает заявление от 63-х членов Общества с требованием созвать – и непременно 14 января – общее собрание для обсуждения вопроса о ... самоуправстве Совета, а особенно В.К. Штильке.

Совет, занятый составлением годового отчета и другими срочными делами, отложил заявление до годового собрания, назначенного на 18 марта. Но вскоре поступает новое заявление, уже от 70 человек, с требованием созвать собрание 3 февраля, а следом – третье, от 163-х человек, предложивших вообще не созывать никаких экстренных собраний.

Обстановка на годовом собрании с самого начала сложилась тревожная. Когда были зачитаны упомянутые выше заявления, раздались беспорядочные выкрики: как смел Совет не созывать собраний? Вот как описывает это газета "Сибирская жизнь":

"... Один из членов Общества в шутовской форме предложил председателю (В.К. Штильке – В.Г.) сложить с себя на время председательство, другой, изливая свое негодование, заявил, что в Совете царит канцелярщина и что его вместе с председателем можно с удобством заменить нанятым за 20 рублей сторожем.

Встает представитель учебного ведомства и заявляет, что запрещения посещать учащимся школьный дом не было, были запрещены только посещения елки 25 декабря и вечера 4 января (для простого народа – В.Г.), причем добавляет, что Совет воздействовал на городскую Думу в принятом ею решении ходатайствовать о снятии запрещения.

Это заявление сейчас же опровергается письменными заявлениями некоторых родителей учащихся, а такие присутствующими. Поднимается невообразимый гвалт. Все вскакивают с мест и окружают стол, за которым заседает Совет Общества. Шум и беспорядочные крики все растут;

многие, по-видимому, готовы разорвать в клочки председателя, а он стоит бледный и взволнованный, прося толпу сесть по местам. Происходит настоящая какофония.

— Созвать новое собрание 25 марта!

— Выборы отложить!..

Большинством в 10 голосов выборы откладываются.

При продолжающихся криках, окруженный толпой, председатель отказывается от исполнения своих обязанностей..."

Сгоряча В.К. Штильке отказывается не только от председательства, но и от работы в Обществе.

Враги его торжествуют. Но не долго. 25 марта В.К. Штильке большинством голосов был снова избран в Совет, состав которого стал еще более демократичным. Узнав об этом, В.К. Штильке взял назад свое слово.

Тогда взбунтовавшиеся интеллигенты наносят новый удар: они заявляют о выходе из комиссий Общества. В комиссии по народным чтениям из 33-х человек отказались работать 26, по воскресным школам — 27 из 32-х, в комиссии по заведованию библиотекой и книжным складом из 9 человек остался 1 (Г. Баитов). Они обвиняют новый Совет в некомпетентности, а В.К. Штильке в том, что он, жаждая

взять реванш, поступился самолюбием, ибо нарушил данное собранию слово.

– Мое самолюбие, – отвечал В.К. Штильке, – находится в тесной связи с самолюбием Общества почти 17 лет. Что касается реванша, то на мою долю достался, пусть поймут мои обвинители, достался, а не добивался я, не только тот, на который они указывают, а припоминаю и другие реванши. Пережитые моменты "самолюбия" и "реваншей" возбуждают во мне одно пожелание, чтобы все это выпало и на вашу долю, господа и госпожи, и тогда вы страстно захотите свое личное "я" слить с общественным и Школьное общество станет для вас, пока еще очень и очень немного поработавших, дорогим любимым учреждением, на которое у вас никогда не поднимется рука... Господа интеллигенты обиделись, что не пошли за ними. Но Устав Общества не знает ни интеллигенции, ни распроинтеллигенции, а считается только с членами Общества, а таковыми могут быть все совершеннолетние, вносящие в кассу Общества ежегодно не менее одного рубля.

Казалось бы, настоящие интеллигенты должны радоваться, что известная общественная идея так или иначе начинает привлекать к себе внимание. Люди идут, делают вклады, участвуют в решении вопросов, общественно вос-

питываются, а горсточка интеллигентов сидит и горюет: "Зачем они пришли, ибо это наша привилегия, мы только свет в окошке..." Вместо того, чтобы дружно помогать общему делу, наши интеллигенты начинают мешать его развитию, тормозить...

Новый Совет не спасовал перед натиском. Были избраны в комиссии другие люди, и дела пошли дальше не хуже, чем шли.

По свидетельству П.Е. Семьянова, на следующем годовом собрании, в июне 1901 г., "господа интеллигенты" сделали еще одну отчаянную попытку захватить руководство Обществом, но опять безуспешно. С этого времени деятельность Общества приобрела демократическую, а с точки зрения буржуазии, крамольную окраску.

1905 ГОД

Телеграфное сообщение о "Манифесте 17 октября" пришло в Барнаул 20 октября. В этот день, вечером, в Народном доме, как обычно, должен был состояться очередной спектакль. Ничего не подозревавшая публика сидела уже на местах, когда перед третьим звонком в зрительный

зал, заполнив все проходы, хлынули рабочие, приглашенные комитетом РСДРП. Около 50 человек, а может, и больше, прошло за кулисы.

А дальше было так. На авансцену вышел В.К. Штильке и объявил:

– Спектакль отменяется, вместо него будет митинг по случаю обнародования царского Манифеста.

Взвился занавес, и на глазах изумленной публики заведующий народными чтениями А.Ф. Веронский от имени барнаульской группы РСДРП вручил 19-летнему каменщику Михаилу Зимачеву, как представителю пролетариата, красное знамя с нашитыми на нем лозунгами: "Долой самодержавие!" и "Да здравствует демократическая республика!"

В зале началось что-то невообразимое. Раздались крики:

– Долой полицию!

– Долой самодержавие!

– Долой куцую конституцию!

Растерявшиеся полицейские спешно покинули зал. Кто-то сорвал со стены портрет царя и выбросил в уборную...

Начался митинг. Его открыл горячей речью учитель И.Л. Симанин, человек, склонный к бунтарскому анархизму в революционном движении, но пользовавшийся большой популярностью, особенно среди пимокатов. Его поддержали другие. Лишь присяжный поверенный Черников рискнул предложить собравшимся "с благодарностью отнестись к монаршей милости". Тотчас гневную отповедь ему дал ссыльный польский дворянин, демократ Вильконский. Очень колоритная фигура, говорят, была в Барнауле! Высокий, худющий, седой, но по-юношески горячий и порывистый, люто ненавидивший самодержавие. Вскочив на сцену, он с характерным для него польским акцентом и под бурное одобрение рабочих, выкрикнул.

– Наша благодарность может быть выражена только штыком и пиком!..

Тут же началась запись в рабочую дружину и сбор средств на покупку оружия. Но дальше записи дело не пошло. Хуже того, список дружины оказался в руках полиции.

По окончании митинга, его участники, выйдя из Народного дома, решили, несмотря на поздний час, устроить уличную демонстрацию. Около трехсот человек с красным знаменем и пением революционных песен (и когда только

выучить успели!) прошли по вечернему городу. По некоторым сведениям, песнями дело не кончилось. Группа демонстрантов вломилась в здание общественного собрания, где проходил вечер танцев, и заставила оркестр играть "Марсельезу".

На другой день решили демонстрацию повторить. В этот раз в ней приняло участие уже несколько тысяч человек – рабочие, учащиеся, приказчики, интеллигенция... Никогда еще такого не бывало на тихих барнаульских улицах!

Но не только многочисленность демонстрации встревожила барнаульских обывателей. По словам анонимного корреспондента московской газеты "Русское знамя" (орган Союза русского народа), "во время всех процессий они останавливались у церкви, где пели вечную память борцам за свободу, останавливались у воинских казарм, звали "товарищей-солдат" с собой... Все эти действия страшно взбаламутили народ. Никто не знал, что делать. Недоумевали, как это полиция допускает такие безобразия".

23 октября, в ответ на разрушительные устремления "красно-флажников", консервативная часть населения, с благословления протоиерея Петропавловского собора Анемподиста Завадовского, провела крестный ход по го-

роду. Одновременно группы полупьяных "патриотов", с явного, преднамеренного попустительства полиции, начали громить и грабить дома "политиков". Всего подверглось погрому более 30 домов и в числе первых – дом В.К. Штильке. Известный писатель Максим Зверев, наш земляк, так описывает события того зловещего дня:

"Мне было 10 лет. Мы жили на Бийской улице (теперь Никитинская – В.Г.), неподалеку от дома В.К. Штильке. В то утро на улице показалась небольшая толпа. Впереди несли портреты царя и царицы, иконы, хоругви. Толпа шла без шапок и нестройно пела пьяными голосами "Боже, царя храни". Замыкал эту кучку людей десяток конных городских. По тротуарам и сзади шла огромная толпа зевак. Я выбежал на кухню, потом во двор и в Коношенный переулок (ныне Красноармейский проспект – В.Г.) вместе с закадычным другом Степой Жилиным, который сообщил мне, что громят "Шпильку".

С угла было видно, что хоругви лежали на земле, иконы держали женщины, портрет царя стоял на земле, и его поддерживали какие-то парни. Из окон дома Штильке летели на улицу обрывки бумаги, перья, пух, какие-то обломки..."

Кроме личного имущества, была уничтожена значительная часть находившейся там городской библиотеки. Самого В.К. Штильке друзья успели увезти во Власиху, жену спрятала в подполье домработница, дети укрылись у своих друзей и подружек. Дочь Нина была ранена в руку выстрелом из ружья, когда на другой день рискнула появиться в доме. Стрелял в нее, по свидетельству другой дочери В.К. Штильке, Зои, сын известного в Барнауле жандарма Маландина...

Озверевшие молодчики жестоко избили П.Е. Семьянова, М.О. Курского, а всего, как сообщала московская газета "Вечерняя почта", в тот день в больницу Красного Креста и госпиталь было доставлено 15 человек.

На другой день распоясавшиеся погромщики принялись за магазины купцов. Затем двинулись на пивоваренный завод Ворсина. Но тут казаки, дотоле охранявшие их от возможного нападения, дружно взяли "истинных патриотов" в нагайки. На том дело и кончилось...

Для характеристики той темной силы, что поднялась против В.К. Штильке и его дела, мне хотелось бы привести любопытный документ, привести со всеми его грамматическими и стилистическими "перлами".

"ПРИГОВОР МЕЩАН"

"1905 г. ноября 21 дня Барнаул. Мещанское общество, будучи в общем собрании, в присутствии мещанского старосты в числе 159 человек, где обсуждали между собой вопрос относительно имеющего быть в Барнауле Народного дома, находящегося под покровительством Общества попечения о начальном образовании. Этот Народный дом имеет в себе театр, служит поддержкой в доходах на пользу Общества, в нем народные чтения для просветания народа и собрания Общества, все это шло на пользу Общества; в настоящее же время этот дом оказался совсем не тем, которому он должен служить, в нем стали собираться люди те, которые идут путем совсем другим и опровергают как-то: "Бога нет", "Государя не надо", находящийся там портрет Государя от стены был брошен в нехорошее место (ватер-клозет) и выходит же из этого Народного дома большого и малого людей с красными флагами с надписью "Резублика", "Долой манархию" и пели разные марсельезы около храмов и провозглашали, что Бог устарел, Николай, "наш Царь", с ума сошел, ой дубинушка ахнем и да здравствует свобода.

Но мы сознаем слова правды, свободы, которую наш батюшка Царь в день 17 октября мес. с.г. дал нам не к тому чтобы позорить его имя, мы, как верноподданные ему и веруем в Бога, не можем противу этих наглостей успокоить сердца свои и выносить таких прозвищ против Бога и нашего батюшки Царя, в каковой Народный дом собирается нехороший люд и внушает нехорошие мысли в народе и малолетним детям, а поэтому составили сей приговор в том, что мы единогласно желаем прикрыть этот Народный дом, дабы в него не собирались те люди, которые идут против Бога и Царя, а мы желаем, чтобы этот дом перешел в Городское Общественное правление и носил другое название, а поэтому, с посылкою этого приговора, просим Господина Бар. Исправника не допускать в этот дом никаких сборищ и собраний, или вернее закрыть его совсем, впредь до перехода этого дома в ведения этого города, если же Исправник сам не в праве сделать, то просим приговор немедленно представить Г. Томс. губернатору в чем и подписываемся:

Мещанский староста Киприянов, 85 лиц грамотных, 74 лица неграмотных".

Совет Общества ответил на этот выпад просто: если закроют Народный дом, будут немедленно закрыты и обе

школы, ибо они содержатся в основном на доходы от Народного дома. Мещане сразу пошли на попятную: в школах-то учились – и притом бесплатно – их дети!

В.К. Штильке узнал об этом несколько позже: вместе с детьми: Риммой, Ниной, Леонидом он выехал в Томск, к племяннику, И.А. Эльснер. Оттуда вернулся лишь в середине зимы. И здесь его ждал новый удар. 26 апреля 1906 г. он был вызван в полицию, где ему объявили следующее распоряжение временного томского генерал-губернатора: "В интересах сохранения государственного порядка и общественной безопасности... производителя работ Штильке устранить от занимаемой должности... с обязательством в течение 48 часов выехать из Барнаула в местность по его, Штильке, усмотрению и с воспрещением пребывания в пределах Сибири и Степного края на время продолжения военного положения..."

И вот больной, издерганный, оскорбленный в лучших своих чувствах Василий Константинович вынужден был покинуть город, которому отдал более двадцати лет подвижнического труда, покинуть горячо любимую семью и отправиться неведомо куда.

Вне пределов Сибири он знал только одну "местность" – город Санкт-Петербург. Там прошли незабываемые

мые студенческие годы, там находился Кабинет, куда его, изгнанного кабинетского служащего, привела нужда. А куда еще мог он обратиться?..

ИЗГНАННИК – ЧЛЕН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

В августе 1906 г. в Барнаул прибыл приказ по Кабинету, который, наверно, подверг в немалое смущение местные власти, а в первую очередь временного томского генерал-губернатора. В приказе говорилось, что производитель работ губернский секретарь Штильке "командирован в Кабинет временно, впредь до распоряжения, для занятий по землеустроительным делам".

Вот так. Не изгнан, а командирован. И не куда-нибудь а в Кабинет Его Величества.

Необыкновенный этот факт я могу объяснить лишь тем, что Кабинет, в отличие от перепуганного губернатора, не считал просветительскую деятельность В.К. Штильке опасной для устоев самодержавия, да и ценил его как работника. Кроме того, Кабинет, видимо, счел себя уязвлен-

ным тем, что "какой-то" губернатор посмел так распорядиться их служащим.

Так это или не так, важней другое: у В.К. Штильке был теперь кусок хлеба для себя и для семьи (напомним, что у него было шестеро детей).

Но петербургский сырой климат губительно отражался на его и без того слабом здоровье. "Его мучили слабость, одышка, изнурительные поты, горловые кровотечения", – пишет близко знавший его А.М. Головачев.

Так, в болезнях, одиночестве, непрестанной тоске по дому прошло более полутора долгих печальных лет...

27 октября 1907 г. В.К. Штильке вынужден был уволиться со службы по болезни. Ему даже назначили маленькую пенсию. Но дорога домой для него по-прежнему оставалась закрытой. И вот в эту мучительную трудную пору в жизни В.К. Штильке произошел еще один удивительный случай.

Видимо, граждане Барнаула поняли, какого человека они потеряли, над кем позволили глумиться пьяным громами. И решили как-то поправить положение. Осенью 1907 г. начались выборы в III Государственную думу. В.К. Штильке предложили баллотироваться в выборщики (выборы, как известно, были многостепенными). Старому

больному просветителю давался, может быть, последний шанс еще раз послужить людям. Мог ли он от него отказаться?..

14 октября в Барнауле его заочно выбрали выборщиком, а 5 декабря в Томске, на избирательном собрании выборщиков – членом Государственной думы от губернии, въезд в которую ему был запрещен!..

В Алтайском краеведческом музее хранится письмо В.К. Штильке племяннику Ивану Антоновичу Эльснеру. Отвечая на поздравления племянника, он пишет:

"Избрание меня есть нравственная оплата за все перенесенное мною в течение последних лет, за все то несправедливо тяжелое, сыпавшееся на меня как из рога изобилия. Затем это избрание есть показатель общественного взгляда на мою посильную работу на благо родного края...

Меня гнетет одна мысль, что не в такой продуктивной степени я окажусь в почетном звании члена Думы. Ушли энергичные боевые годы, ушли и силы, оставив в наследство частое недомогание. Это раз. А затем я не могу оказаться на высоте всех тем и положений, которые будут ставиться в нашем парламенте. Тут надо быть энциклопедистом. Положим, что, пожалуй, не найдется из среды нашей такого всезнающего человека, но это меня мало

утешает. Лучше было бы, если б я владел всесторонне государственным умом и знаниями.

А третье – это роковой вопрос: удастся ли прогрессивному меньшинству Думы, к которому я себя причисляю, убедить и другую сторону в необходимости проведения реформ, преследующих не классовые, а общенародные цели.

Я вступил в Думу 10 декабря. Был уже на думском вчерашнем заседании. В общем оно произвело на меня тяжелое впечатление. Очевидно, большинство руководствуется не лозунгом наибольшей пользы для наибольшего числа людей, а имеет ввиду свои узкоклассовые цели. Нельзя к таким представителям применять название "народных". Это просто члены Думы – и только. В этой Думе ничего собственно народного не видно: народ представлен в виде зажиточного крестьянства и десятков двух бывших волостных старшин (если статистика газет верна)...

Не знаю как продолжительны будут рождественские вакации. Если 25-26 дней, думаю побывать дома: дети не уходят у меня с глаз. Вероятно, барон Нолькен (томский губернатор. – В.Г.) протестовать против этого не будет, так как он и без того обещал разрешить въезд в губернию с 1 января. Ну а тут разницы только в несколько дней..."

На рождественских вакациях побывать дома не удалось. Правительство загромодило Думу множеством (до 500) мелких законопроектов, лишь отвлекавших ее от решения более важных вопросов. Для их рассмотрения было создано 26 комиссий. Им не хватало даже места в Таврическом дворце.

Сибирская фракция тоже образовала семь комиссий. Одну из них, по народному образованию, возглавил В.К. Штильке. Но сделать успел немного. С приближением весны силы совсем оставили его.

Сохранилась фотография сибирской группы членов Государственной думы. В центре, за столиком, В.К. Штильке. На него тяжело смотреть: дряхлый старик с совершенно белой бородой, провалившимися щеками и скорбным, усталым взглядом. "Старику" не было еще и 58 лет.

В начале апреля, не дождавшись конца думской сессии, В.К. Штильке выехал в Барнаул, видимо, в надежде подлечиться, ну и, конечно, повидаться с семьей. П.Е. Семьянов пишет, что в вагон его завели под руки...

Чувствовал ли он, что жить ему осталось всего несколько дней? Какие думы, какие воспоминания теснились в его душе в эти последние тяжкие дни, отравленные изну-

рительным кашлем, бессоницей, нарастающей слабостью, мучительным одиночеством и тоской по уходящей трудной, но праведно прожитой жизни?...

УЧИТЕЛЬ ДОБРА И ПРАВДЫ

15 апреля 1908 г. на станции Обь (ныне Новосибирск) родственники нашли В.К. Штильке в душном вагоне. Он был в обмороке. Перевезли его на квартиру знакомого врача Сосыкина. Там в 6 часов вечера Василий Константинович тихо скончался...

Перед смертью он просил похоронить его в Барнауле. Но лед на Оби еще не тронулся, а дороги стали непроезжими. Однако природа словно пошла навстречу последнему желанию В.К. Штильке. С утра 17 апреля хлынул дождь, и к полудню лед взломало. А вслед за последним льдом прибыла из Барнаула на пароходе "Горный инженер Воронцов" старшая дочь Штильке, Мария.

21 апреля тысячи барнаульцев собрались на пристани. И вот, уже под вечер, показался пароход. На всех судах барнаульской пристани затрепетали на свежем ветру флаги, приспущенные в полмачты, в знак траура. По сигналу с

берега пароход причалил к барже у Пушкинского перевоза...

Газета "Сибирская жизнь" так об этом сообщала:

"Когда гроб с телом В.К. Штильке был вынут из цинкового футляра, то его понесли с утра дожидавшиеся рабочие-грузчики и не дали везти его на приготовленном катафалке...

Несли тело по Томской (ныне имени Короленко. — В.Г.) улице до дома покойного, где отслужили литию, затем в Дмитриевскую церковь для отпевания, и затем, отслужив литию у Народного дома, выкинувшего черный флаг, тело перенесли на Нагорное кладбище, и оно было погребено рядом с могилой Николая Михайловича Ядринцева.

Впереди процессии шли ученики двух школ Общества, затем несли 26 венков, 9 из которых — от Новониколаевска и Томска...

С весьма оригинальной трогательностью почтило покойного городское общество в лице Думы. В то время, когда десятитысячная масса народа запруживала несколько параллельных улиц, в городской Думе шло заседание почти в полном составе гласных, и память покойного была почтена "вставаньем". Совершив безмолвное вставанье,

Дума дружно перешла к очередным вопросам, гвоздем которых было разрешение мельницы при доме П.Н. Полякову"

А вот как описывала это горестное событие газета "Отголоски Алтая":

"На его похоронах не было произнесено гулких ораторских речей. Молча шла громадная толпа барнаульцев за гробом своего печальника, и на душе у многих было чистое чувство признательности за пройденный недаром для всего Барнаула земной путь...

Встретили и проводили его стар и млад. Особенно трогательна была цепь малышей-школьников, ограждавших место у Народного дома во время литии, и еще скромный крестик из искусственных незабудок от воскресных школ с надписью:

Сеял разумное, доброе, вечное,

Скажем спасибо сердечное...

Вот все существенное, что удалось мне собрать о Василии Константиновиче Штильке. Об одном жалею: поздно начал поиски. За это время часть ценнейшего материала погибла безвозвратно.

Вот лишь один пример.

В 1980 г., увлекшись впервые В.К. Штильке, я задался целью найти кого-либо из его детей. По возрасту некоторые из них могли быть живы. Сложными путями удалось добыть адрес его 64-летней внучки Любви Акимовны Виговской, проживавшей в Волгограде. (Акимом звали ее отчима; отец, Леонид Васильевич, умер от тифа, когда ей было 5 лет). Вот что она мне сообщила:

"Дядей и теток я нашла, когда мне было 20 лет, и я работала учительницей в селе Налобиха Косихинского района. К сожалению, в живых из них никого уже не осталось...

Дядя Герман умер в Новосибирске в 1942 г., тетя Мария – в Ростове-на-Дону в пятидесятых годах (она работала хирургом), тетя Нина была актрисой, ее я не видела. Римма Васильевна, любимица отца, заслуженная учительница РСФСР, умерла в Свердловске в 1959 г., Зоя Васильевна – там же 9 сентября 1979 г.

Больше всех я любила Римму Васильевну, которая до преклонного возраста и тяжелой болезни имела светлый ум, веселый нрав, умела из всякого затруднительного положения найти выход. До революции она работала учительницей в Нагорной школе, еще гимназисткой состояла в социал-демократическом кружке, позже вместе с мужем,

Дзыгарь, занималась революционной работой, за что муж был расстрелян колчаковцами.

Римма Васильевна написала воспоминания об отце, собиралась предложить их Алтайскому книжному издательству, да, видно, не успела. Будучи в гостях у Зои Васильевны, я запоем читала эти тетради (они потом хранились у нее). Там же я видела и два фотоальбома с уникальными фотографиями семьи Штильке..."

К сожалению, возле Зои Васильевны в последние дни и часы ее жизни не оказалось не только родного, но и просто порядочного человека. А те люди, что спешили занять ее жилплощадь, не сочли нужным даже известить Любовь Акимовну о смерти тетки и, видимо, поспешили выбросить, как ненужный хлам, фотоальбомы и тетради с воспоминаниями.

Мне стало известно об этом лишь год спустя. По моей просьбе работники отдела культуры Железнодорожного райисполкома г. Свердловска побывали у новой квартирной хозяйки и получили ответ: никаких альбомов и бумаг у нее нет.

Наверно, немало интересного могли бы рассказать о своем отце, о Барнауле и другие дети Василия Константиновича Штильке. Но никто из барнаульцев, даже тех, кому

это полагается по должности, не удосужились списаться с ними, съездить к ним. Как тут не вспомнить горькие слова А.С. Пушкина: "Мы ленивы и нелюбопытны".

Несколько пожелтевших фотографий детей и внука Василия Константиновича Штильке, любезно присланных мне Любовью Акимовной Виговской, - вот и весь мой "улов". Поздно начинаем мы порой искать и собирать, недопустимо поздно...

ПРАВО НА ПАМЯТЬ

После смерти Василия Штильке Общество почета о начальном образовании в Барнауле продолжило жить и развиваться. Как и при жизни его основателя, оно никогда не испытывало недостатка в людях, готовых бескорыстно послужить делу народного образования. В работе Общества принимали деятельное участие лучшие представители барнаульской интеллигенции: поэт и журналист П.А. Казанский, музыкант А.И. Марцинковский, архитектор И.Ф. Носович (в 1914 г. был председателем Совета Общества), присяжный поверенный (в советское время – известный краевед) Г.Д. Няшин, протоиерей Иоанн Горетовский,

купец И.К. Платонов, некоторое время даже возглавлявший Общество, и многие другие.

Одним из последних председателей Совета Общества был Андрей Ричардович Михаловский, управляющий отделением Русского для внешней торговли банка, настоящий энтузиаст народного образования. Только благодаря ему поддерживалось существование Общества в последние годы", – говорится в его некрологе (он умер в марте 1918 г.)

В 1916 г. Общество открыло вечерние классы для взрослых. В них обучалось по программе начальной школы до 250 человек в возрасте от 15 до 40 лет. В 1917 г. были открыты три детских сада, из них 2 – бесплатных, для детей бедняков.

Осенью того же года начались занятия в Народной гимназии. Это было любимое детище А.Р. Михаловского. В условиях войны, революции он сумел собрать для нее 10 тысяч рублей добровольных пожертвований. К 1919 г. в гимназии было 5 групп с общим числом учащихся до 150 человек. Принимались в нее лица обоего пола не моложе 15 лет с образованием не ниже начальной школы. Плата за обучение была вполне доступной – 10 рублей в год.

Это была одна из форм внешкольного образования. Она давала возможность детям бедняков, которым путь в обычную гимназию был затруднителен, получить образование в объеме среднего учебного заведения или близкое к нему.

В 1917 г. Общество открыло детскую библиотеку. Впоследствии она должна была превратиться в детский клуб. Но не успела...

В 1918 г. Нагорная и Зайчанская школы были переданы в ведение городского самоуправления, а Общество посвятило себя дошкольному и внешкольному образованию. За время существования школ их окончило до 1200 детей, преимущественно из малообеспеченных семей, а всего научилось грамоте не менее 6000 человек.

К концу 1919 г. стало ясно, что дни колчаковского режима сочтены. Но общество не собиралось свертываться.

Видимо, оно было уверено, что советская власть по достоинству оценит его заслуги по обучению грамоте детей бедняков и поддержит в дальнейшей работе. Оно даже расширило свою деятельность. 26 октября 1919 г. на торжественном заседании по случаю 35-летия Общества было

объявлено о преобразовании его в Общество народных университетов (подготовка к этому проведена заранее).

Членами нового Общества могли быть все желающие, а также отдельные учреждения и организации. В первые же дни в Общество вступило более 100 человек; коллективными членами стали Алтайский союз кооперативов, Алтайский центральный кредитный союз, Союз сибирских маслодельных артелей, губернское земство, Барнаульское городское самоуправление, музыкальное общество и др.

Новое Общество ставило своей задачей, как говорилось в его уставе, "демократизацию просвещения с целью дать возможность самым широким слоям народных масс подняться до уровня современного научного знания". С этой целью оно намеревалось организовать школы, различные курсы, музеи, народные консерватории, издание книг, чтение лекций, постановку спектаклей и т.д. Народную гимназию предполагалось развить в народный университет или широкие общеобразовательные курсы. Министерство народного просвещения колчаковского правительства даже накануне своего падения нашло возможным выделить Обществу на эти цели 120 тысяч рублей.

Но прекрасным планам Общества не суждено было осуществиться. С восстановлением советской власти оно

было распущено как наследие "проклятого прошлого", не соответствующее духу пролетарского образования. А ведь сколько пользы принесло, причем самым настоящим пролетариям!..

Была закрыта и Народная гимназия, первый выпуск которой намечался на весну 1920 г.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В 1909 г. для увековечения памяти Василия Константиновича Штильке, общее собрание членов Общества попечения о начальном образовании в Барнауле постановило присвоить его имя вновь открывшейся 7 апреля бесплатной народной библиотеке при Зайчанской школе. Библиотека учреждалась, как сказано в постановлении, "с целью дать возможность лицам, получившим начальное образование, продолжить его путем чтения".

Ко дню открытия в библиотеке насчитывалось 587 книг, журналов и сборников. Заведовал ею один из преподавателей Зайчанской школы, избираемый Советом Общества и утверждаемый Уездным училищным советом.

В 1920 г. библиотека В.К. Штильке была национали- зирована, перевезена на склад губоно, свалена в общую кучу и на том ее короткое существование закончилось...

До революции в газете "Жизнь Алтая" поднимался вопрос об установлении памятника В.К. Штильке, но осу- ществить этот замысел помешала война. Ну, а после вой- ны...

В краевом госархиве мне как-то встретилось личное дело Риммы Васильевны Штильке, заведенное, если не ошибаюсь, в самом начале 30-х годов. В графе "соц. про- исхождение" ее рукою было записано: "Из крестьян". Дочь некогда известнейшего в городе человека сделала наивную попытку скрыть, что ее отец был дворянином!... Не будем ее судить. Вспомним, какие беды в те годы, в угаре клас- совой нетерпимости, грозили дворянину или дочери дво- рянина!..

Не избежал общей участи и Василий Штильке. Была уничтожена даже его могила, и не только его. Краевед Г.Д. Няшин, осмотрев в декабре 1931 г. Нагорное кладбище, обнаружил: бюст Н.М. Ядринцева снят и увезен на пере- плавку на Алтметаллзавод; туда же отправлены две чу- гунных плиты с памятника К.Д. Фролову; могила В.К. Штильке завалена навозом (а вскоре вообще сровнена с

землей); с памятника С.И. Гуляева отломан и валяется в ограде мраморный крест. А ведь все эти люди, как и многие другие, похороненные когда-то на этом варварски уничтоженном кладбище, составляют славу и гордость Алята!..

Несколько лет тому назад могила Василия Штильке была восстановлена: насыпан могильный холмик и на нем водружен деревянный крест. Сергеем Алексеевичем Боженко, ныне главным архитектором города, был разработан был проект надгробного памятника. Но, не по вине автора, проект остался на бумаге, а вскоре исчез и крест с могилы. Кто-то из "благодарных потомков" использовал добротное дерево для хозяйственных нужд.

Формально Василий Константинович Штильке у нас увековечен: его именем названа улица в нагорной части Барнаула в районе дрожжевого завода. Не хотелось бы обижать ее жителей, но эта улочка – одна из самых неприглядных в городе. Сомнительная честь для барнаульского печальника.

Каких только добровольных обществ не было в Барнауле за его долгую историю! Их и теперь немало. Но, на мой взгляд, ни одно из них по числу добрых дел не может сравниться с Обществом попечения о начальном образова-

нии. Деятельность его членов и, в первую очередь, Василия Константиновича Штильке – прекрасный пример служения родному городу, народу. Жаль, что ныне это приходится доказывать...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Байтов Г.Б. Василий Константинович Штильке // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 г. Отд. 2-ой. С. 9-12.
2. Бородкин П.А. У истоков.– Барнаул, 1978. С. 167-176.
3. ГАТО, ф. 411, оп.1, д. 7, л. 45.
д. 11, лл. 8-10.
д. 47, лл. 16-17.
4. Гришаев В.Ф. Просветитель Алтая // Гордость Барнаула. – Барнаул, 1980. С. 37-40.
5. Гришаев В.Ф. Василий Штильке // Алт. правда. 1980. 24 октября.
6. Гришаев В.Ф. К 110-летию Общества попечения о начальном образовании в Барнауле // Вечерний Барнаул. 1994. 27, 29 сентября.
7. Гришаев В.Ф. Самые первые школы // Алт. правда. 1983. 14 января.
8. Гришаев В.Ф. Крамольный просветитель // Алтай. 1984. №3. С. 56-78.
9. Гришаев В.Ф. Крамольный просветитель // Тропою памяти.– Барнаул, 1987. С. 112-176.

10. История и культура немцев Алтая. Выпуск 1. (по материалам этнографических экспедиций) // Под ред. М.А. Демина, В.И. Матиса.— Барнаул, 1999.— 146 с.
11. Кочетов А.В. Просветитель // Их именами названы улицы.— Барнаул, 1984. С. 163-165.
12. Краткий очерк 25-летней деятельности Общества попечения о начальном образовании в Барнауле (1884-1909).— Барнаул, 1909.— 36 с.
13. Матис В.И. Проблема национальной школы в поликультурном обществе.— Барнаул, 1997.— 336 с.
14. Насонова В. Дом В.К. Штильке // Алт. правда. 1964, 5 января.
15. Никулина И.Н. Штильке Василий Константинович // Энциклопедия Алтайского края: В двух томах.— Барнаул, 1996.— Т.2. С. 413.
16. Обский. Сибирские депутаты III-й Государственной думы // Сибирские вопросы. 1908. №3-4. С.69-72.
17. Петренко В.С. "И сердце мое болезненно сжалось..." (О письме В.К. Штильке крестьянам д. Власихи из Финляндии) // Молодежь Алтая. 1988, 22 июня.
18. Отчеты общества попечения о начальном образовании в Барнауле за 1884-1910 гг. Редкий фонд краевой библиотеки им. В.Я. Шишкова.

19. Петренко В.С. 140 лет со дня рождения народовольца, просветителя В.К. Штильке // Страницы истории Алтая (библиографический указатель).– Барнаул, 1989. С. 40-43.
20. Полухин Т.А. Василий Константинович Штильке // Страницы истории Алтая (библиографический указатель). – Барнаул, 1971. С. 66-68.
21. Скубневский В.А. Памятные места, связанные с жизнью и деятельностью В.К. Штильке // Памятники истории и культуры Барнаула.– Барнаул, 1983. С. 66-69.
22. Тачалов И. Памяти В.К. Штильке (стихи) // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 г. Отд. 2-й. С. 12-13.
23. Ушакова Л.А. Связи революционной народнической ссылки с населением Сибири // Научные труды Новосибирского гос. пед. института. Вып. 31. – Новосибирск, 1969. С. 36-60.
24. ЦГАОР, ф. 102, оп. 1, д. 421, лл. 1-9.
25. ЦХАФ АК, ф. 1, оп. 2, д. 1644, л. 28.
ф. 72, оп. 1, д. 8, л. 78.
ф. 236, оп. 1, д. 12, л. 70.
26. Юдалевич М.И. Просветительская деятельность народников // Барнаул.– Барнаул, 1992. С. 147-152.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выражаю искреннюю благодарность Алтайскому государственному краевому краеведческому музею, внучке В.К. Штильке Л.А. Виговской и фотографу С.И. Пирогову за любезно предоставленные ими фотографии.

В. Гришаев

Штильке В.К.

Штильке В.К. в любительском спектакле. Слева от него, известный барнаульский фотограф и актер-любитель С.И. Борисов, справа – жена Эмилия Антоновна. В пьесе «Девичий переполох».

Штильке В.К. в любительском спектакле.

Штильке В. К. (в центре) в группе сибиряков-членов III-й Государственной думы.

Штильке Мария Васильевна, старшая дочь Штильке В.К.

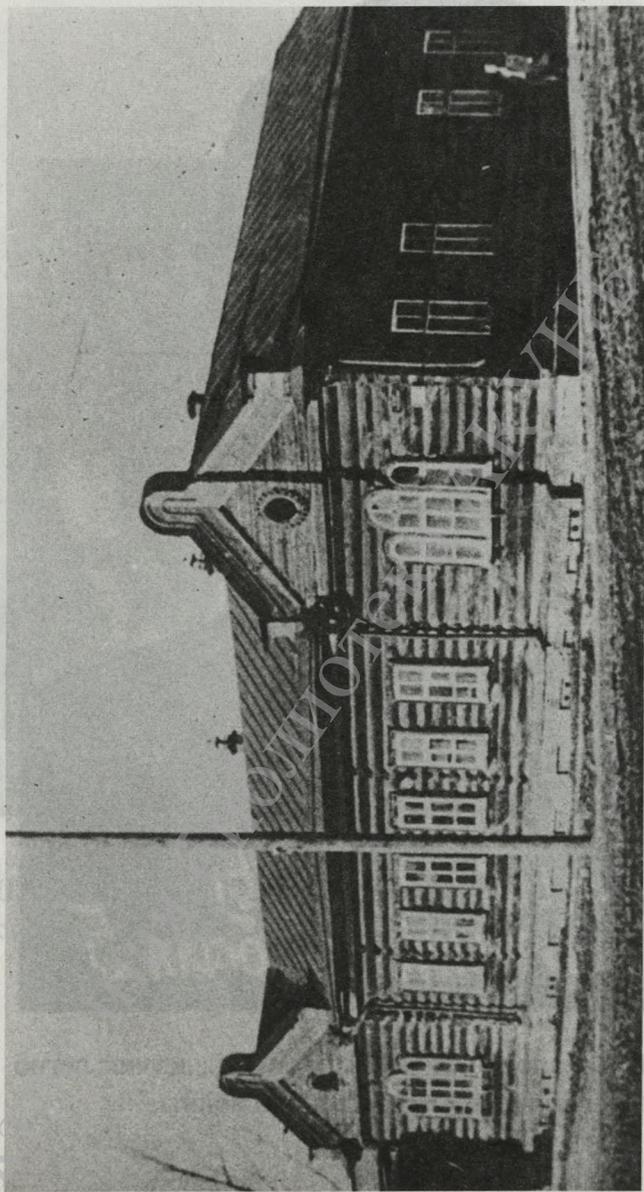
2-й ряд, справа налево – дочери Штильке В.К. – Зоя Васильевна и Римма Васильевна. 1-й ряд справа налево Борис Виговский – правнук, Виговская Любовь Акимовна – внучка.

Штильке Герман Васильевич – внук Штильке В.К. с женой и сыном Глебом.

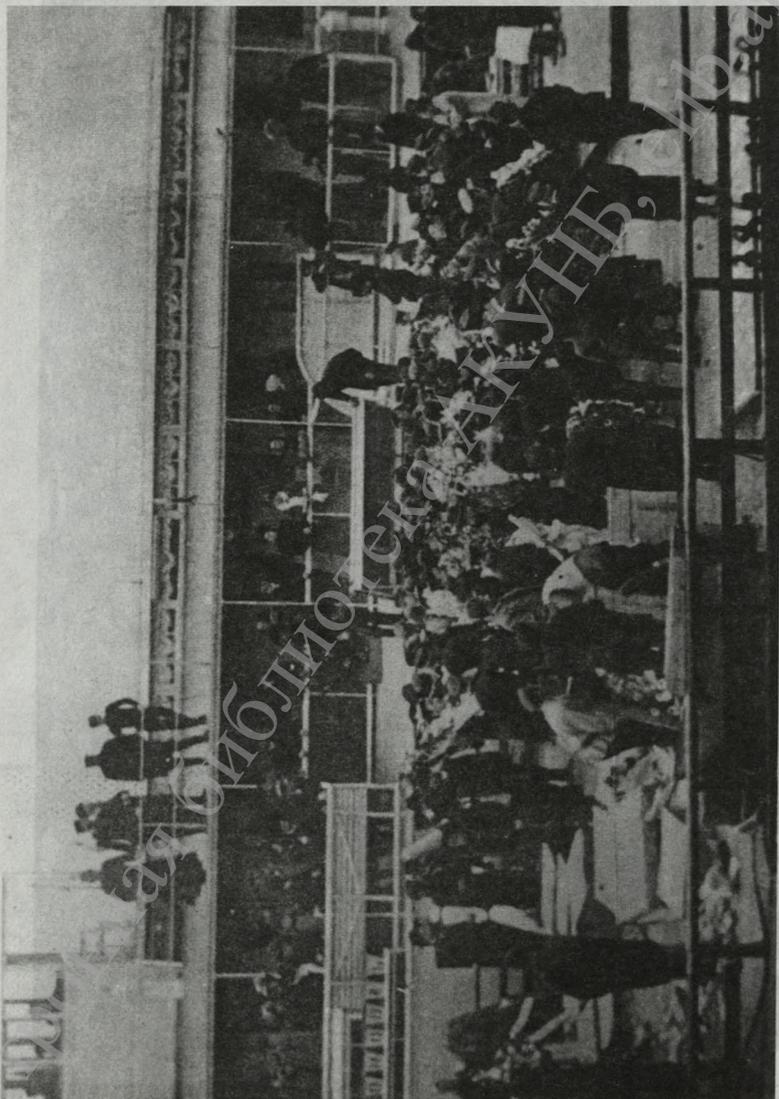
Штильке Глеб Германович, внук Штильке В.К., летчик, погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны.

Дом Штильке В.К.

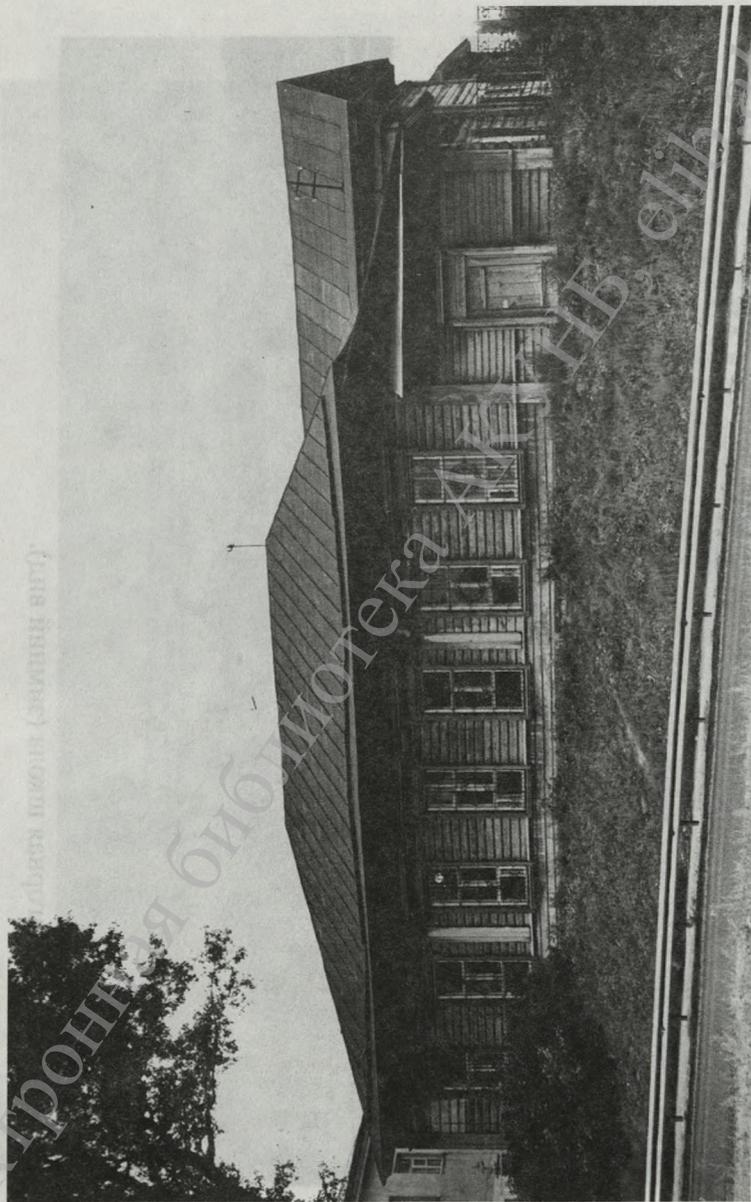
Могила Штильке В.К. (справа от надгробного памятника Ядринцеву Н.М.).

Прибытие в Барнаул гроба с телом Штильке В.К. 21 апреля 1908 г.

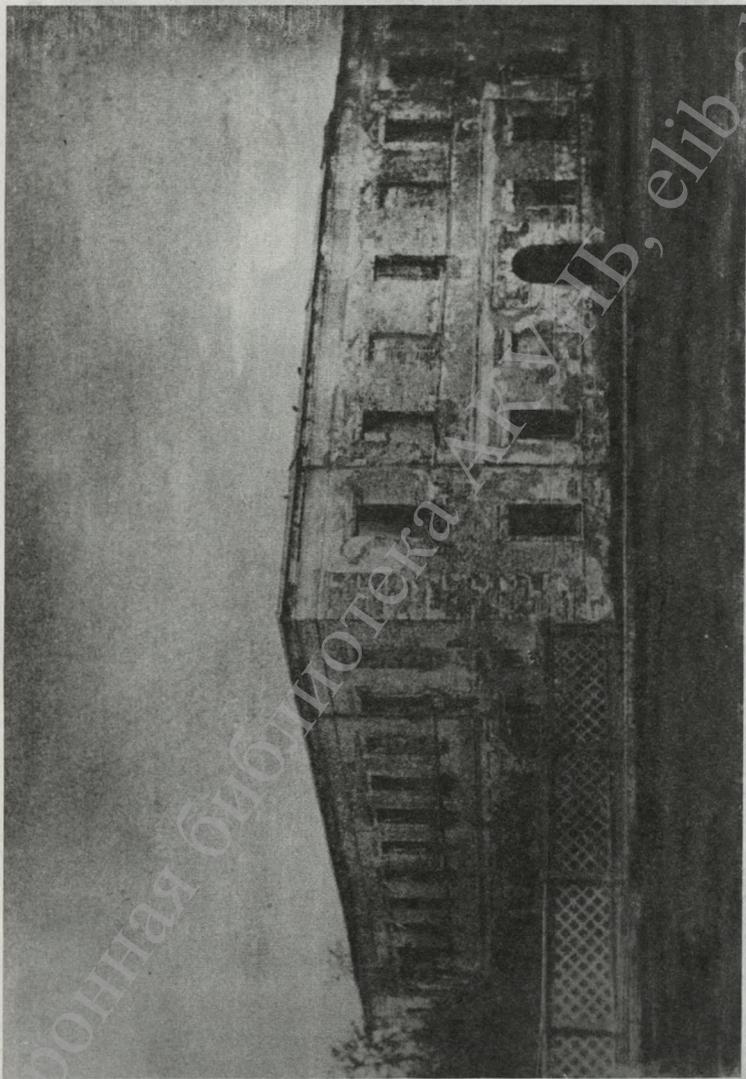
Бывшая Нагорная школа (зимний вид).

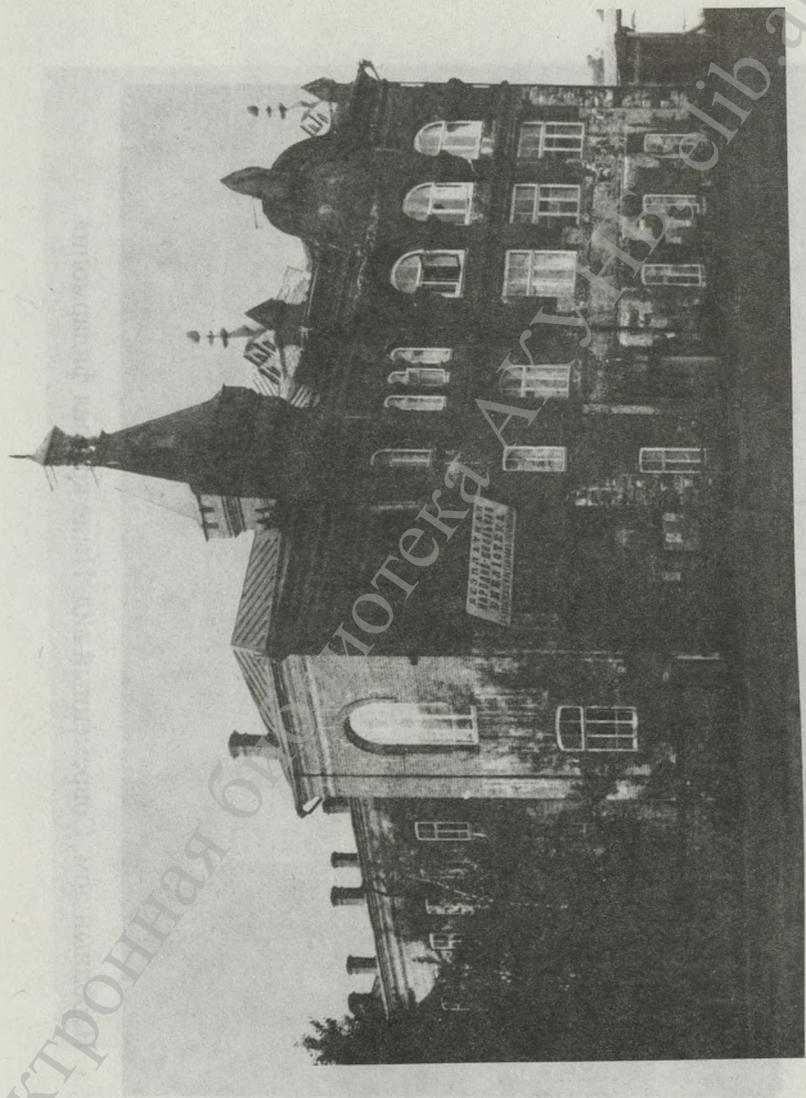
Бывшая Нагорная школа. Современный адрес: ул. Аванесова, 30.

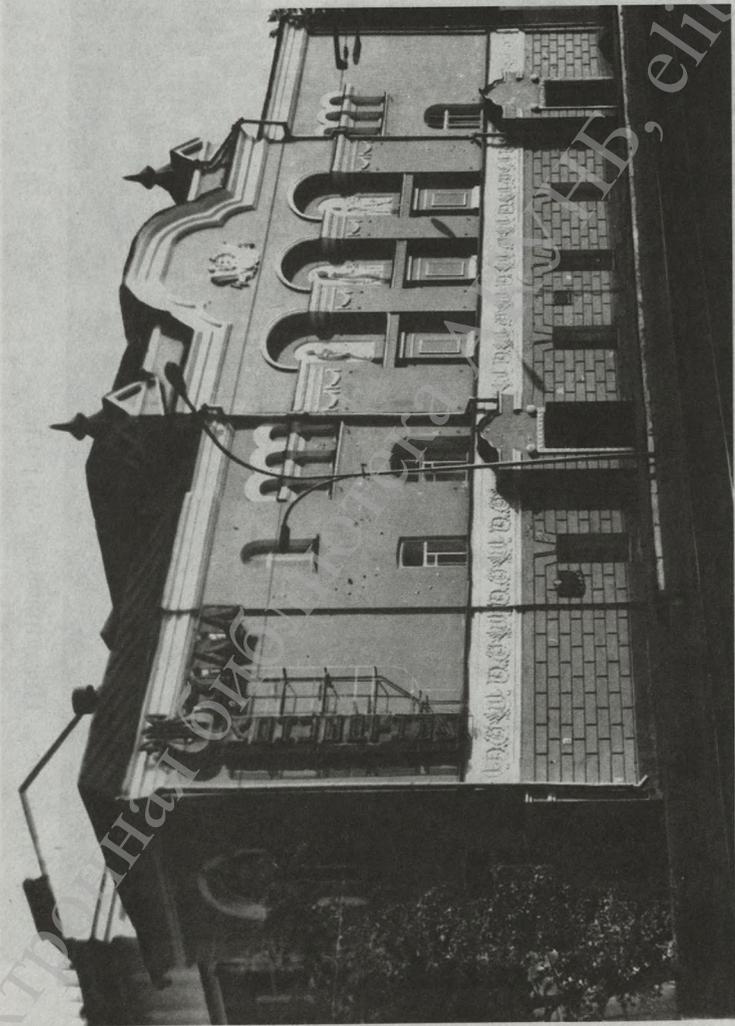
Бывшая Зайчанская школа. Ныне филиал школы № 13. Современный адрес: ул. Анатолия, 241.

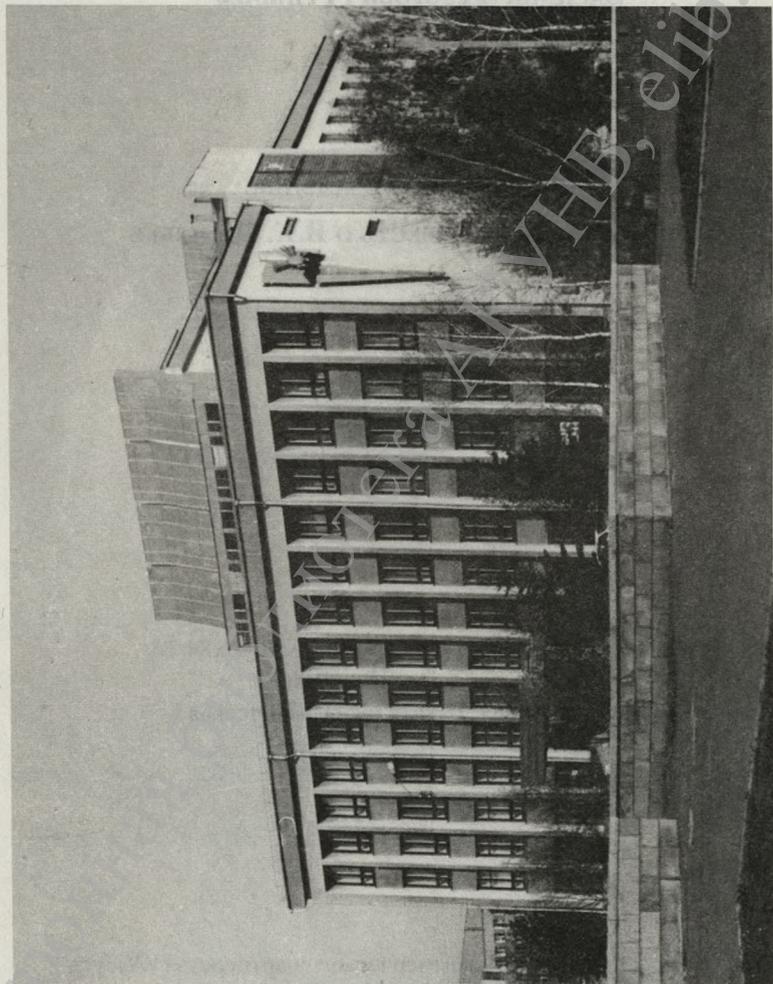
Сгоревшее здание бывшей заводской гурьмы, использованное при строительстве Народного дома.

Народный дом. Первоначальный вид.

Народный дом. Современный вид. Ныне краевая филармония.

Алтайская краевая библиотека имени В. Я. Шишкова. (Основана Штильке В.К.).

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ ГРИШАЕВ

**БАРНАУЛЬСКИЙ ПЕЧАЛЬНИК.
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О В.К. ШТИЛЬКЕ**

Редакторы
В.Н. Есликовская
Н.В. Чесновицкая
Компьютерная верстка И.В. Шаповалов

Подписано в печать 12.08.99 г. Формат 60x84/16

Гарнитура: Таймс Нью Роман.

Бумага офсетная. Печать ризографическая.

Усл. печ. л. 8,7

Авт. л. 3,6

Тираж 1500 экз.

Заказ 2315

Отпечатано в типографии Некоммерческого партнерства "Азбука":
г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98а; т. 22-91-03.

10.00

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru